

Андрей Плотник

ТРОПА
СНОВ

Андрей Плотник

Тропа снов

«Издательские решения»

Плотник А.

Тропа снов / А. Плотник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900539-7

Большая часть произведений, собранных здесь под одной обложкой, принадлежит к литературе ужасов, однако с ней соседствуют фэнтези, фантастика и сатирические зарисовки. Термин *weird fiction*, постепенно возвращающийся из забвения, подходит тут как нельзя более кстати. Именно из «странной литературы» первой трети XX века выросли современные направления фантастики, и к ней же возвращается автор в своем творчестве.

ISBN 978-5-44-900539-7

© Плотник А.
© Издательские решения

Содержание

Агент Сатаны	6
Забывшие	8
Тайна Поющей Скалы	19
Никта	24
Тезка	30
Боги Голтоты	35
Помещик Шишигин купил слона	38
Астероид дьявола	41
Могильные гоблины	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тропа снов

Андрей Плотник

© Андрей Плотник, 2018

ISBN 978-5-4490-0539-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Лет десять назад я, посещая небольшой литературный кружок при смоленском Институте культуры, повел речь о творчестве Г. Ф. Лавкрафта, и был поражен тем, что имя его никому из присутствующих ровным счетом ничего не говорит. Смущенный, я промямлил, что Лавкрафт – чрезвычайно известный в определенных кругах писатель. «Вот видите, – самодовольно произнесла тогда одна дама, – только в определенных кругах!» Сейчас круги эти, кажется, расширили свою орбиту, вобрав в себя едва ли не каждого человека, имеющего хоть какое-то представление о массовой культуре.

В течение многих лет Лавкрафт оставался для меня главным ориентиром в литературном творчестве. Однако первый свой короткий рассказик я сочинил еще в далеком детстве под влиянием романа «Затерянный мир» – книги, которую я знал практически наизусть. Мне было, кажется, что-то около семи лет. Рассказ был посвящен отважному охотнику, который заблудился в глухом тропическом лесу, где нос к носу столкнулся с птеродактилем. Жалею, что тот помятый клочок бумаги, вырванный из школьной тетради и испещренный кривыми печатными буквами, не сохранился до наших дней. Я непременно включил бы его в этот сборник на правах забавного реликта. Уже тогда, насколько помню, я пытался воссоздать атмосферу гнетущего страха и затаившейся угрозы, хотя сама канва сюжета соответствовала скорее приключенческой литературе.

Большая часть произведений, собранных здесь под одной обложкой, принадлежит к литературе ужасов – однако с ней соседствуют фэнтези, фантастика и сатирические зарисовки, а также рассказы, жанровая принадлежность которых сложноопределима. Термин *weird fiction*, постепенно возвращающийся из забвения, подходит тут как нельзя более кстати. Именно из «странной литературы» первой трети XX века выросли современные направления фантастики. Образно выражаясь, вирд-фикшн – это сказочный трехглавый дракон, а хоррор, фэнтези и научная фантастика – его в меру самостоятельные, но все же неразрывно связанные головы на длинных шеях.

В книге преобладают ранние рассказы, написанные в разное время – в основном в студенческие годы, когда я и несколько моих друзей составляли собой «Закрытое Литературное Общество», или сокращенно просто «ЗЛО». Каждый из этих рассказов я улучшил настолько, насколько было возможно, стараясь все же не вносить слишком серьезных изменений. Несмотря на жанровую чехарду, которая может вызвать раздражение у некоторых читателей, большинство собранных здесь историй подведено под общую черту – все они являются попыткой воссоздать момент прикосновения к чему-то зыбкому, потустороннему, несущему затаенную угрозу.

В итоге получился сумрачный калейдоскоп из тридцати одной истории – без излишнего морализаторства, без натужных попыток казаться чем-то большим, нежели они есть. Надеюсь, эти рассказы сумеют вас развлечь.

Развлекать, в конце концов, вполне благородная цель.

Агент Сатаны

Их было четверо, и один из них был агентом Сатаны – Святому не приходилось в этом сомневаться. За стенами монастыря, в котором они нашли последнее убежище, бушевало вставшее до небес адское пламя, а орды нечисти из разверзшейся преисподней старательно перекраивали мир на свой лад. Возможно, они – четверо изгнанников – остались последними представителями рода людского на всей Земле. Увы, один из них был предателем.

Святой уже несколько часов кряду сидел один, в полумраке тесной кельи, сквозь зарешеченное окно которой проникали отблески адских огней. На столе перед ним были разложены древние реликвии, рядом с которыми, подобно затаившемуся хищнику, покоился револьвер. Крест блаженного Кириака пульсировал приглушенным сиянием, сигнализируя о близости предателя, засушенная голова преподобного Антония едва заметно размыкала губы, сиюсь выговорить единственное слово – *Peciculum*, а мумифицированная кисть святого Амвросия складывалась в тревожный жест. Именно поэтому Святой не сомневался, что предатель находится в стенах монастыря, подобно волку, облеченному в овечью шкуру. Но кто он, этот неведомый злодей? Кого Властитель Ада направил в ряды выживших, чтобы привести их к гибели?

Пожалуй, Профессор являл собой наилучшую кандидатуру на роль приспешника Сатаны. Профессор был упрям, заносчив, и отрицал существование бога. Горячо отстаивая идею эволюции, Профессор, безусловно, давным-давно вступил на тропу, ведущую напрямик в Ад. Он уверенно заявлял, что человек в ходе естественного развития произошел от обезьяны. Он насмехался над шестью днями творения, в запале утверждая, что история Земли и жизни на ней насчитывает миллиарды лет. Он утверждал, что Иисус – не более чем мифологическая фигура, чье жизнеописание, подобно пазлу, составлено из обрывков биографий прочих ближневосточных божеств. Разумеется, душа Профессора была обречена на посмертные муки в адском пламени, однако мысль признать его посланником дьявола показалась Святому слишком уж поспешной. Святой знал, что Отец лжи предпочитает действовать более тонкими методами, а пути обмана – неявные пути.

Так может быть, предательницей была Актриса? Это предположение также походило на правду. Суть ее профессии заключалась в обмане, притворстве, и игре на публику – а не это ли есть любимые занятия Князя Тьмы? Святой никогда не интересовался шоу-бизнесом, однако сплетни об Актрисе и ее личной жизни достигли его ушей задолго до конца света. Эта женщина – Святой знал наверняка – безнадежно погрязла в топком болоте разврата, а пристрастие к алкоголю, табаку и наркотикам не оставляло ей ни малейших шансов на место в Раю. Безусловно, роль агента Сатаны подошла бы Актрисе не хуже, чем множество других ролей, сыгранных ею на протяжении всей карьеры.

Губы засушенной головы Антония раскрылись чуть шире, продемонстрировав густую черноту беззубого, безязыкого рта, не способного вымолвить ни слова за исключением прозрачного предупреждения об опасности. Веки Антония были плотно смежены и вдавлены внутрь, в полость глазниц, давно лишившихся глазных яблок, вместилищем которых когда-то служили.

Святой решительно положил ладонь на рукоять револьвера. Сердце мужчины учащенно билось, а капли пота густо усеяли большой выпуклый лоб. Святой ощущал, что вплотную приблизился к разгадке тайны, однако тут же поймал себя на мысли, что недооценивает коварство Отца лжи.

Дьявол, конечно, был настолько хитер, что непременно выбрал бы себе в помощники человека, на которого подозрение пало бы в последнюю очередь. А значит, предателем был Мальчик, и никто иной. Мальчику было девять, его родители погибли прямо у него на глазах

в первые же минуты адского вторжения, и тот факт, что сам он каким-то чудом уцелел в вихрях бушующего пламени, сам по себе должен был навести на подозрения. Мальчик постоянно молчал, никогда не плакал, и лишь прижимал к груди игрушечного динозавра, во многих местах опаленного пламенем преисподней.

Сжав рукоять револьвера, Святой решительно поднялся и приготовился действовать. Мальчик мог быть предателем, однако паршивыми овцами могли также оказаться Профессор и Актриса. В мозгу Святого промелькнула мысль, что для верности следовало бы пристрелить всех троих. Кто знает, какую миссию выполняет посланник зла на земле? Быть может, если его своевременно остановить, у нашей планеты еще останется шанс на спасение? А значит, рисковать нельзя. Убить, убить всех троих – вот единственный выход из создавшегося положения.

Между лопаток Святого струился холодный пот, однако он решительно шагнул к двери, сжимая револьвер в дрожащей руке. И тогда еще одна мысль быстрой молнией мелькнула в измученном мозгу. Мысль показалась ему неожиданной, однако Святой тут же отметил, что она была совершенно неизбежна на том пути, по которому он пробирался в течение последних часов. Нельзя недооценивать коварство Властителя тьмы. Ставки слишком высоки. Сделав последний шаг к разгадке, Святой усмехнулся и понял, что идеальным агентом Сатаны был бы человек, который и сам не догадывается о том, что является посланцем зла. Святой понял, что он и есть предатель. На мгновение он ужаснулся тому поступку, который вот-вот готов был совершить, а затем приложил дуло револьвера к виску.

У мира появился шанс на спасение. Возможно, последний.

Забытые

Состав порожняком катил по обледенелым рельсам. Снаружи гудела, бушевала пурга, гневливо разбрасывая над путями пригоршни снега. Хватов, как мог, кутался в свою засаленную телогрейку. Латанные-перелатанные рукавицы уже не спасали руки от болезненных уколов холода. Мужчина сидел в углу вагона и сквозь полуоткрытую дверь созерцал проплывающий мимо пейзаж. Любоваться особо было нечем – сплошное молоко, густая снежная кутерьма... В паре шагов от путей уже ничего нельзя было разобрать, лишь изредка в белесом киселе мелькали голые ветви кустов да путевые столбы.

Скулы Хватова сводило от холода, ног он почти не чувствовал. В мозгу, скованном оцепенением, как снежинки в вихре хаотично мельтешили строчки детской песенки:

«Скатертью, скатертью
Дальний путь стелется,
И упирается прямо в небосклон...
Каждому, каждому
В лучшее верится,
Катится, катится голубой вагон...»

И впрямь, вагон, в который Хватов лихо запрыгнул на безымянном полустанке, был выкрашен в синюю краску. Должно быть, именно поэтому мужчина его и выбрал – в надежде на то, что этот дребезжащий стальной ящик на колесах наконец отвезет его в новую лучшую жизнь.

«Н-да, – хмуро повторял замерзающий Хватов, – лучшее, конечно, впереди».

Впереди, где ж еще ему быть? Уж ясно, что не за спиной – ни в Афгане, ни на зоне под Магаданом Хватов со своим счастьем так и не пересекся. Оно, счастье, вряд ли вообще посещало подобные места. Теперь у мужчины в распоряжении была только дорога да старый рюкзак, в котором он, подобно улитке, влачил на себе весь свой жалкий скарб. Ну и, конечно, еще у него была свобода.

Между тем мороз продолжал крепчать, и порывы ледящего ветра все бесцеремонней врываются в тесное пространство, которое худо-бедно успел обжить Хватов. Теперь он отчетливо сознавал, что до конечной станции, скорее всего, доедет только его окоченелый труп. Словно в ответ на невеселые мысли поезд начал постепенно сбавлять ход, и Хватов без колебаний принял решение сходить. Сквозь мутную завесу пурги теперь виднелись темные очертания каких-то построек – быть может, там он сумел бы отогреться и даже найти приют на ночь. Сидеть на месте – равносильно смерти. Размяв затекшие, скованные холодом конечности, мужчина высунулся наружу и тут же получил пригоршню колючего снега в лицо – словно наждачкой дирануло по щеке. Поезд все замедлял и замедлял ход. Не дожидаясь полной остановки, Хватов спрыгнул с подножки и по колено ушел в снег.

Прямо напротив мужчина приметил густое переплетение обледенелых труб, за которыми вставали очертания заводских построек с лепившимися друг на друга будками. Похоже, перед ним раскинулась какая-то промзона. Ни перрона, ни вокзала поблизости не наблюдалось. Поезд, между тем, так и не решился остановиться – после короткой заминки он снова начал набирать ход, и вскоре уже голубой вагон скрылся из глаз.

Мороз и ветер не располагали к тому, чтобы стоять на месте и глазеть по сторонам. Тяжко переставляя коченеющие ноги, тяжелые, будто дубовые колоды, Хватов зашагал вдоль трубопровода в сторону построек. Пурга ходила над ним мучнисто-белыми волнами. То и дело ноги проваливались в ямы или спотыкались об арматуру, невидимую под снегом. Через какое-то

время Хватов уперся в серую стену и зашагал вдоль нее налево, подставляя метели широкую свою спину. Завидев дверь, он радостно заторопился вперед, но вскоре разочарованно замер – на двери висел большой, тяжелый замок, похожий на ржавую гирю. Пришлось продолжить обход. Слева от него потянулось проволочное ограждение, за которым виднелись заснеженные трансформаторы, во все стороны распутившие побеги проводов.

Волны метели упрямо толкали его в спину. Вскоре Хватов вышел в просторный двор, противоположного конца которого было не разглядеть за пеленой пурги. Повсюду громоздились какие-то бочки, ржавел заметенный снегом безколесый «КамАЗ». А еще Хватов приметил дверь – большую и распахнутую настежь. Может быть, то была дверь гаража, или вход в какой-то цех – ему было все равно. Спотыкаясь на ходу, мужчина устремился к зияющему проему, надеясь обнаружить там надежное укрытие от холода.

С опаской проскользнув внутрь, Хватов стянул задубелые рукавицы и заозирался по стоконам. В просторном и полутемном помещении не было ни души. Мужчина понимал, что хоть завод этот и не выглядит как охраняемая территория, однако местные могут оказаться не рады внезапному визиту бродяги. Определить, какое предназначение выполняло это помещение, Хватов не мог – судя по всему, здесь находилась зона отгрузки или что-то в этом роде. Под потолком тянулись толстые кабели, вдоль стен прихотливо извивались ржавые трубы, трубки и трубочки, усеянные многочисленными вентилями, как экзотические растения – цветками. Через распахнутые двери намело порядочно снега. Под осторожными шагами Хватова чуть слышно ухали, прогибаясь, листы металла, которыми был выстлан пол. Царила немая, сгущенная тишина – лишь снаружи бесприютным псом подвывала метель.

Хватов пересек помещение и выглянул в коридор, длинный и узкий, как кишка. Стены коридора покрывали чешуи темно-зеленой краски, похожей на слезающую кожу змеи. Создавалось впечатление, что место это давно заброшено и необитаемо. «Хорошо, коли так», – подумал Хватов, не желающий общества людей. Ему нужен был лишь относительно теплый угол, чтобы скоротать долгую зимнюю ночь. В рюкзаке у него, пожалуй, нашлось бы чем закусить – ну а завтра утром он снова двинулся бы в путь, с новыми силами, как неутомимое перекасти-поле.

Коридор, подобно узкой протоке, влился в просторный цех, где стройными рядами замерли неведомые механизмы, похожие на приготовившихся к битве воинов. Хватов не знал, для чего они нужны – должно быть, то были какие-то станки, более сложного устройства, нежели обычные фрезерные, с которыми мужчина прекрасно умел обращаться. Все они были покрыты толстым слоем ржавчины и пыли – трухой минувших годов. Подобно лианам, с потолка свешивались тяжелые цепи лебедек с тупоносими крюками на концах.

Под высокими сводами чуть слышно гудело эхо далекого бурана. Ни одна лампа не горела, подтверждая предположение о заброшенности этого места – свет проникал лишь сквозь мутные грязные окошечки, расположенные высоко под потолком. Через них с трудом пробивались робкие лучи зимнего солнца, едва способные разогнать полумрак.

Минуя один ряд станков за другим, Хватов пересек цех и добрался до выхода – широкой двустворчатой двери, которая и не думала подаваться под его толчками. Чуть в стороне высунутым языком проникала в зал лента давно заглохшего конвейера. Очевидно, его черная глотка вела в соседнее помещение – других выходов из цеха не наблюдалось. Покряхтев немного, Хватов вскарабкался на конвейер и, встав на четвереньки, сунулся в тесный лаз, удививший в слепую темноту. Лаз был узкий, хорошо если в полметра шириной, поэтому рюкзак приходилось толкать впереди себя.

Теснота, запах пыли и чего-то затхлого быстро начали душить Хватова, выдавливая слезы из глаз. Казалось, он ползет уже целую вечность, подобно некоему паразиту в кишках огромного неведомого зверя, давным-давно издохшего и охваченного разложением.

За спиной Хватова что-то чуть слышно ухнуло. Мужчина вздрогнул и замер. Казалось, звук раздался там, откуда сам он начал свой путь некоторое время назад. На миг Хватовым

овладела паника – он попытался оглянуться, но теснота окружающего пространства этого не позволяла. К тому же, со всех сторон его окружал густой, словно липнувший к глазам мрак, делавший зрение совершенно бесполезным чувством. Оставалось уповать лишь на обострившийся слух – что Хватов и сделал, изо всех сил напрягая уши. Казалось, ничто больше не нарушало воцарившуюся тишину. Ни шороха, ни стука, ни шелеста – только гул в ушах да тяжелое биение собственного пульса.

Впрочем, некое чутье, определить которое Хватов никак не мог, подсказывало ему, что кто-то медленно и осторожно движется по узкому лазу вслед за ним. Этот кто-то никак не проявлял себя, но все же был рядом. Новая волна паники накрыла мужчину, заставив с удвоенной скоростью устремиться вперед, сквозь темноту, толкая перед собой проклятый рюкзак, который, как ему теперь представлялось, весил целую тонну. Должен же этот конвейер когда-нибудь кончиться!

Казалось, тьма тянется к нему со всех сторон мириадами черных рук, желая не то заключить в объятия, не то задушить. И тут цепи пространства и времени распались. Хватов вспомнил, что все это когда-то уже было. Точно также он в панике полз на четвереньках, стирая колени в кровь, обливаясь потом, задыхаясь от ужаса. Обстоятельства, правда, были иными – в тот раз он змеей пластался среди прокаленных солнцем афганских камней, а над головой свистели пули абреков, высекая искры из розоватых валунов. Тогда ему удалось выжить, превозмочь, доползти. Многие его сослуживцы после той засады в роковом ущелье отправились домой мертвым грузом в чреве «черных тюльпанов» – но не он. И вот теперь все повторялось.

Хватов понимал, что овладевший им страх имеет иррациональную природу и основан на тяжких воспоминаниях об ужасе, который ему однажды довелось пережить. Но легче от этого не становилось. Он полз и полз по брезентовой ленте конвейера, совсем потеряв счет времени. Инстинкт гнал его вперед, не позволяя замедлить ход ни на миг. Вскоре Хватову начало казаться, что впереди мутнеет какое-то белесое пятно. Оно все приближалось и приближалось, не оставляя сомнений, что мужчина уже почти достиг выхода. Хватов сделал последний рывок – вытолкнул рюкзак наружу, а за ним вывалился и сам, словно во второй раз рождаясь на свет. Пот градом катился по его лицу. Помещение, в котором он оказался, Хватов толком не рассмотрел – оно тонуло в полумраке и, кажется, было намного теснее предыдущего цеха. Жадно хватая воздух ртом, мужчина оглянулся и вперил взгляд в черную пасть конвейерного тоннеля. Задержал дыхание, всмотрелся, не решаясь моргнуть... Из лаза не доносилось ни звука, однако вдруг что-то мутно блеснуло в его беспросветной черноте, и тогда Хватов закричал и бросился бежать, не жалея ног. О рюкзаке он даже и не вспомнил. Мужчина не мог быть уверен, что во мраке тоннеля действительно различил жадный блеск чьих-то глаз, но другого объяснения найти не сумел. Кто-то смотрел на него из глубины, кто-то, неотступно преследующий его по пятам.

Из полутемного зала он выскочил в длинный проход, спустился по дребезжащей металлической лестнице и теперь мчался по коридору, заваленному кучами сора, кусками арматуры и ржавыми кренделями старых труб. Хватов петлял как заяц, ныряя из коридора в коридор, из одной пустынной комнатенки в другую. Завод был огромен – двигался ли мужчина в сторону выхода, или все глубже погружался в хитросплетения стального лабиринта, этого он не знал. Немые, покинутые цеха стояли, как заброшенные некрополи, а жуткие проржавевшие аппараты, станки и прочие индустриальные конструкции напоминали причудливые надгробия, под которыми было погребено само время.

То и дело Хватов оглядывался, но погони не замечал. Возможно, ему удалось оторваться, запутать следы. Конечно, сам он при этом тоже запутался, и ни за что не сумел бы отыскать обратную дорогу – но возвращаться назад тем же путем он и не собирался.

Внезапно где-то над головой хлестко лязгнуло, и нечто тяжелое обрушилось на Хватова сверху, погребая его под собой. Мужчина распластался на решетчатом полу, ни жив, ни

мертв от страха. Поначалу он решил, что таинственный преследователь выследил и настиг его, и теперь готовится растерзать беспомощную жертву. Однако после лязга, более всего напоминающего звон цепей, снова воцарилась глухая тишина. Потом зазвучали шаги – обычные, человеческие. Хватов приподнял голову и широко распахнул глаза, ранее зажмуренные от страха. Тут же он обнаружил, что его накрыла тяжелая толстая сеть, сплетенная из цепей, изъеденных ржавчиной. Потом напротив себя он приметил человека. То был кривоватый мужичок, на котором неловко, как на пугале, сидела засаленная телогрейка, а лицо наполовину скрывали густые клочья спутанной бороды. В узловатой руке мужик сжимал длинную трубу, заостренную с конца на манер копья.

Некоторое время Хватов и бородач недоуменно рассматривали друг друга, а потом из ближайшего коридора послышались звуки голосов и топот ног.

– Попался, шельмец! – пробасил кто-то, и хор голосов поддержал его дружным улюлюканьем.

Вскоре в комнату с шумом хлынула группа вооруженных людей, тут же окруживших Хватова со всех сторон. Лица их, в основном безобразные и покрытые копотью, были искажены яростью, однако едва они хорошенько разглядели, какая добыча угодила в их ловушку, как ярость сменилась разочарованием. Дубинки, копья, самодельные кистени и куски арматуры, еще мгновение назад готовые обрушиться на Хватова и размять его тело в кровавую кашу, медленно опустились. Повисло долгое молчание.

– Это не оно, – констатировал мужчина, первым попавшийся Хватову на глаза. «Не оно, не оно...» – подхватили в толпе.

Вперед вышел рослый, крепкий парень с бритым черепом, покрытым уродливыми шишками и вмятинами. Губа его была рассечена, левый глаз сильно косил. Парень слегка пнул Хватова кирзовым сапогом и гнусаво поинтересовался:

– Ты кто такой?

– Хватов, – сипло отозвался тот, косясь на оружие и начиная понимать, что убивать его прямо сейчас никто вроде бы не спешит.

Детина долго, с подозрением разглядывал его, деловито сунув руки в карманы кожаной куртки.

– Откуда ты взялся, Хватов?

– Приехал на поезде. Искал укрытие от метели. Увидел завод – подумал, отогреюсь, переночую, а наутро снова в дорогу... Ничего не трогал, чужого не брал.

Бородач с копьём робко приблизился, припал перед Хватовым на одно колено и произнес:

– Вы видели... это?

Хватов кивнул – резко, нервно. Он и сам не был уверен, что он видел, а чего нет, и не примерещились ли ему эти пылающие бельмища в темноте лаза. Однако понял, что спрашивают его именно о том существе, которое преследовало его по пятам и едва не настигло. Стало ясно, что как раз на ту тварь и была устроена засада, в которую он по невнимательности угодил.

– Освободите его, – вынес свой вердикт косой.

Несколько человек приподняли тяжелую сеть, и Хватов на четвереньках выпростался из плена цепей. В толпе вдруг кто-то заголосил:

– Братцы, а вдруг это... оно и есть? Перекинулось, как оборотень!

Заскорузлые рожи вновь уставились на Хватова с подозрением. Он попятился и сунул руку за пазуху. Неведомая тварь, может быть, и перепугала его до чертиков, но уж этому отребью он просто так не сдастся! Там, во внутреннем кармане была у него припрятана финка – собственноручно выточенная, любовно отполированная, с наборной рукояткой из разноцветного оргстекла. Оскалившись, Хватов явил ее на свет божий, поводя лезвием из стороны в сторону. Пусть не думают, что сумеют порешить его малой кровью!

Как ни странно, его агрессивный жест вовсе не разъярил, а успокоил толпу – ведь он продемонстрировал естественное желание оборонять себя, вполне человеческое, да еще и свидетельствующее об изрядной храбрости. Толпа быстро пришла к выводу, что вряд ли чудовище, будь оно хоть трижды оборотнем, стало бы прятать в кармане самодельный нож. После этого Хватов, все еще стоя в сторонке и внимательно следя за каждым движением этих людей, оказался свидетелем небольшого совещания, возглавляемого косым. На работников завода эти несчастные не были похожи – скорее, на таких же бродяг, как и сам Хватов. Обсуждался важный вопрос – стоит ли расставить новую ловушку на чудовище, или же лучше попробовать отыскать его самим и, по возможности, прикончить общими усилиями. Большинство, похоже, склонялось ко второму варианту – как и их предводитель с косящим глазом. Когда решение было принято, вожак повернулся к Хватову и спросил:

– Можешь показать, где видел его в последний раз?

Хватов задумался, потом отрицательно мотнул головой:

– Нет. Я бежал, куда глаза глядят. Нырнул из коридора в коридор... Обратной дороги не найду.

– Ну, а хотя бы описать то место, где встретился с ним?

За этим дело не стало – Хватов во всех подробностях рассказал, с какой стороны проник на завод, описал огромный цех с множеством станков, ленту конвейера, по которой полз в крошечной темноте. В итоге, кажется, местные опознали это место. Было решено прямо сейчас отправиться туда кратчайшим путем.

– С нами пойдешь, или как? – снова обратился к Хватову косой. Тот кивнул: в толпе он чувствовал себя более защищенным, встречаться с неведомым существом один на один ему больше не хотелось.

Вытянувшись цепочкой, люди крадучись зашагали по узким переходам, в которых гуляли пронзительные сквозняки, перебрасывающие друг другу эхо людских шагов. Шли в молчании – тишина, царившая на просторах давно заглохшего завода, приучила его обитателей и самих себя вести тихо. Судя по лицам, многие участники похода были испуганы, однако в их чертах читалась усталая решимость, отчаянное желание раз и навсегда расправиться с безжалостным врагом, попортившим им немало крови. Хватов плелся в хвосте колонны, сжимая в кулаке рукоять верной финки. Первый испуг и давящий ужас, владевшие им во время панического бегства, успели окончательно выветриться. На своем веку Хватов успел повидать всякого – бывало, и под пули лез, и выходил один на один с самым кровожадным беспредельщиком зоны... Зубами рвал врага – и не раз. Теперь он не испытывал особого страха, но все равно держался за спинами новообетенных товарищей. Этих людей он пока не знал, и потому не собирался за них умирать. Вскоре рядом с Хватовым пристроился тот старик с косматой бородой, первый его знакомец в этом жутком месте.

– Меня Мазаем кличут, – как бы невзначай обронил он, – тот, что шагает впереди всех, с карданом наперевес – это Махмуд. Он наш вожак. Промеж собою кличем его Косым, но ты не вздумай ляпнуть такое ему в лицо. В миг посадит на перо.

Хватов понимающе кивнул, потом задал вопрос, который давно уже не давал ему покоя:

– Что это за место такое вообще?

– Бог весть, – повел худыми плечами Мазай. – Старый, давно заброшенный завод. Уж лет тридцать простаивает, никак не меньше.

– А вы что тут делаете?

– Существоем.

– Получается, бродяги, как и я?

Мазай раздраженно мотнул головой – мол, ну и глупость же ты сморозил, брат.

– Бродяги – те, у кого дома нет. Завод – наш дом, стало быть, мы не бродяги.

– Ясно, – Хватов чуть усмехнулся в усы, – роскошный домишко-то у вас, выходит, за неделю не объедешь.

– Я провел в его стенах уже шесть лет, – с гордостью, с какой-то даже комичной торжественностью провозгласил Мазай, – и до сих пор ни разу не пересек завод из конца в конец. Более того – ни один местный не может похвастаться тем, что посетил каждую его комнату, каждый цех, каждое отделение. Вот насколько огромен наш дом...

Они двигались по коридорам, которые мерно перетекали друг в друга – путаное хитро-сплетение переходов, с петлями кабелей, удавами свисающих с потолка, с рядами тяжелых стальных дверей, с высокими зарешеченными окнами. В одном месте стекло было высажено, и снаружи намело целый сугроб белого пушистого снега. В снегу Хватов обнаружил отпечаток собственного сапога – выходит, этим же путем он и спасался от настигающего ужаса. Между тем Мазай продолжал свой неспешный рассказ:

– Сами мы обитаем в Слободке – так называется поселение в большом цеху, где мы из подручных материалов возвели себе дома. Слободка находится в пятнадцати минутах ходьбы от того места, где ты попался в сеть. Туда чудовище пока не добралось...

– Можешь рассказать о нем подробнее? Что оно такое, откуда взялось?

– Все началось поздней осенью, полтора месяца назад. Как и ты, оно прибыло с проходящим поездом – но что это был за поезд и куда он направлялся, никто не знает. Просто однажды утром мы обнаружили одинокий вагон на старой, заброшенной ветке путей. К слову сказать, он стоит там до сих пор. Осмотрев его, мы нашли внутри лишь разворошенную кучу угля, покрытую тягучей слизью, издающей невыносимое зловоние. Ну и смердела же она, я тебе скажу! Впоследствии мы поняли, что там, в угольной куче пряталось нечто, которое потом выбралось наружу – но мысль эта пришла лишь некоторое время спустя, когда начался суший кошмар. Первым пропал старик Максимыч, который возвращался из города, куда Косой отправил его за продуктами (мы сдаем всякий хлам в пункт приема металлолома, и на вырученные деньги покупаем еду, плюс к тому – в летнее время кое-что выращиваем в теплицах). До города – час ходьбы, час на покупку, и еще час на обратный путь. Максимыч не вернулся ни через три, ни даже через пять часов. Несколько человек отправились на его поиски – мало ли что могло приключиться в дороге со старым инвалидом? Далеко идти не пришлось. Растерзанное тело старика нашли у самых входных ворот, рядом же валялась и сумка с продуктами. Тело было изорвано буквально в лохмотья, в лоскуты, крови натекло столько, что по лужицам кораблики можно было запускать! Мы поначалу решили, что поблизости завелся какой-то маньяк, навроде Чикатило, тем более что через пару дней обнаружили очередной труп – парня, который собирал металлолом в одном отдаленном цеху. Дальше уж крошечный ад начался, едва ли не каждую неделю мы кого-нибудь недосчитывались.

– Их, стало быть, сожрало это существо? – спросил внимательно слушающий Хватов.

– Нет, нет. Оно никого не жрало – просто убивало, когтями резало, выворачивало потроха... Следов укусов на телах мы не находили ни разу, все части тела были на месте... Разве что отдельно от туловища, хех. Кстати говоря, из сумки с продуктами, которую тащил на горбу Максимыч, тоже ничего не пропало – разворошило оно ее, но ничего не слопало, ни единой крошки.

– Сами вы видели это существо?

– Видели, и не раз – но мельком, издалика.

– На что оно похоже?

– Трудно сказать... Это нечто совершенно чуждое, иное, неопишемое...

Хватов умолк, раздумывая над услышанным. Потом пробормотал себе под нос:

– Откуда же оно взялось на нашу голову? Не из космоса ли часом?..

– Знаешь, кем я был до того, как прижился здесь, в этом месте? – спросил вдруг Мазай, трогая Хватова за рукав.

– Кем же?

– Геологом. В университете преподавал, между прочим. Пока жизнь не закрутила, пока не вытолкнула из человеческого общества, из семьи... Есть у меня кое-какие мысли насчет этой твари.

На некоторое время Мазай умолк, словно раздумывая, стоит ли выкладывать свои догадки постороннему или лучше промолчать, но потом решился:

– Как я и говорил, оно выбралось из кучи угля, но кто знает, как долго оно покоилось в ней? Большая часть угля добывается из пластов карбонового, или, как его иначе называют, каменноугольного периода. Уголь образовался из растительных остатков, которым около трехсот миллионов лет. Ты хоть представляешь себе, кто населял нашу планету в те отдаленные времена?

– Динозавры, небось, – пожал плечами Хватов.

Мазай сухо хохотнул:

– Динозавры, ха! Динозавров тогда еще и в помине не было. Первые амфибии робко осваивали сушу, на которой господствовали членистоногие огромных размеров, к концу карбона появились ранние примитивные рептилии, далекие предки ящеров – но до появления первых динозавров оставалось около ста миллионов лет! Чем дальше в глубь прошлого мы копаем, тем больше загадок возникает у палеонтологов... Ты хоть знаешь, что согласно статистике не более двух процентов останков вымерших животных имеют шанс сохраниться до наших дней? Два процента – не более! Это все, что мы можем знать о жизни на Земле в те далекие годы. Остальные девяносто восемь процентов – кто они были, эти существа, как жили и чем питались? Самые невероятные создания могли населять планету в те времена, не оставив по себе никаких следов и не предоставив нам шанса выяснить о них хоть что-нибудь. Природа – это книга загадок, но вот разгадками она делится крайне неохотно.

Хватов надолго задумался, пытаясь вообразить себе огромные отрезки времени, о которых толковал Мазай, и доисторических существ, о каких не пишут в учебниках. Хмуро цокнул языком, перекинул финку из руки в руку. Его воображение откровенно пасовало перед непосильной задачей. Казалось невероятным, чтобы некая древняя тварь пролежала где-нибудь в залежах угля миллионы лет, чтобы возвратиться к жизни в наши дни и теперь нести смерть всему живому. Станным казалось и то, что оно даже не пыталось сожрать свою добычу – насколько представлял себе Хватов, хищники не должны вести себя подобным образом.

Между тем отряд добрался до помещения, в котором Хватов впопыхах бросил свой рюкзак. Чудовище, видимо, давно покинуло это место, не преминув полюбопытствовать, что находится у рюкзака внутри, поскольку выдавший виды предмет инвентаря был растерзан, изорван в лохмотья, как и все его содержимое. Пожитки Хватова были полностью уничтожены. Увидев это, мужчина лишь плотно стиснул зубы. Конечно, ему крупно повезло, что сам он успел ноги унести, однако рюкзака было жаль – этот предмет Хватов пронес с собой через все неурядицы, какие ему щедро подбрасывала судьба.

– Надо бы проверить большой цех, о котором говорил наш гость, – подкинул идею Мазай, и Махмуд, глава отряда, согласно кивнул. Похоже, к старому геологу тут прислушивались – во всяком случае, в вопросах, связанных с чудовищем.

По мановению руки предводителя процессия возобновила свой ход – вся, за исключением Хватова. Тот скорбным изваянием навис над остатками рюкзака, долго шевелил желваками, сопел, сжимал заскорузлые кулаки. Все его небогатое имущество оказалось истерзано, уничтожено. Одежда, инвентарь, пара любимых книг, старые фотографии – все, чем он дорожил, все, что в течение долгих лет повсюду таскал с собой, все сгинуло безвозвратно, без пользы, почем зря. Оскалившись, Хватов крутнулся на каблуках и, по-прежнему сжимая финку в руке, заторопился следом за заводскими, которые уже исчезли из виду в одном из боковых проходов. Ноздри Хватова раздувались от ярости, как у рассерженного быка. И сам он

как будто увеличился в росте, выправился, расправил спину и плечи. Быстро догнал людей, шагающих вразброд, нестройной толпой, работая локтями пробился вперед, заняв место плечом к плечу с предводителем отряда. Махмуд, заметив это, лишь усмехнулся щербатым ртом. За спиной зашумели. Понимали ли они, какие чувства владели сейчас Хватовым, который в один миг лишился всех ниточек, связывавших его с прошлой, нормальной жизнью?

Коридор сузился, превратившись в длинный узкий ход, полутемный, упирающийся противоположным концом в двустворчатую дверь.

– Почти пришли, – шепнул Мазай. Краем глаза Хватов заметил, что под потолком в проход открываются широкие черные лазы, напоминающие вентиляционные трубы, из которых ощутимо тянуло сквозняком. Решетчатый пол лязгал под ногами. Хватов чуть сбавил шаг. Этот сумрачный тесный коридор сразу ему не понравился. В запахе, что ли, было дело? Несмотря на хорошую вентиляцию, в воздухе висела резкая вонь, словно поблизости пролили целый бидон прокисшего молока. Дверь приближалась.

– Твою ж мать! – внезапно выругался Махмуд. – Только гляньте на это!

Хватов внял совету и окинул взглядом дверь – обе ее створки были залеплены черной, радужно переливающейся слизью, которая, как выяснилось, затвердела и приобрела твердость бетона – когда Махмуд поддал дверь сапогом, та даже не шелухнулась.

И тут Хватов все понял. В самом деле, ведь в прошлый раз – в той далекой, нормальной жизни – все было точно так же. Абреки загнали их отряд в узкое ущелье, и завалили выход прямо у них перед носом. Ну а потом... Потом была бойня. Внезапное нападение, кровожадное улюлюканье, пули, кромсающие живую плоть подобно когтям неведомого хищника...

– Это ловушка! – истошно заорал Хватов, но было уже поздно.

Тварь появилась за спинами людей, вынырнув из ближайшей вентиляционной трубы. Рассмотреть ее толком было практически невозможно – она перемещалась с места на место с проворством ртутного шарика. Тело было длинное, темное, с множеством членистым лап, как у гигантской сколопендры – это все, что успел разобрать Хватов. Две передние лапы существа напоминали косы, и по форме, и по воздействию на человеческую плоть. Одна из «кос» мелькнула в воздухе и снесла ближайшему мужику половину черепа. Плоский обрубок, сея мелкой кровавой пылью, отлетел в сторону, как сбитая с головы шапка. Человек повалился на пол, судорожно дернувшись. Тут уж все закричали, завопили смертным воем – истошно, в один голос. Отступать было некуда, чудовище, как опытный стратег, перекрыло единственный путь к бегству. Люди дружно ринулись в противоположную сторону, но запечатанная дверь так и не подалась.

– Сражайтесь, падлы! – орал Махмуд, щедро раздавая струсившим собратьям тумачи.

Сам предводитель бродяг с карданом наперевес кинулся навстречу чудищу, и Хватов без раздумий последовал за ним. Вскоре существо оказалось настолько близко от него, что можно было разглядеть каждую чешуйку на его пепельной, покрытой маслянистыми разводами шкуре. Сердце Хватова налилось холодом, заledenело, ухнуло куда-то вниз, в пустоту. Но он все равно рванулся вперед и полоснул финкой по полупрозрачной суставчатой лапе. Морда чудища повернулась и уставилась прямо на него. Те самые глаза – два бледных фонаря. А под ними – жуткая пасть, сложенная, точно большой зонтик, с торчащими наружу изогнутыми крючьями зубов. «Зонтик» раскрылся, раззявив поистине бездонную невыносимо смердящую глотку. Перед глазами Хватова встала картина его растерзанного, втопанного в пыль рюкзака. Вся его жизнь, вся жизнь...

Не моргнув и глазом, Хватов вогнал финку в одно из выпуклых мерцающих бельмищ. Что-то влажно лопнуло, хлюпнуло. Рука погрузилась в холодную студенистую массу. Тут же Махмуд обрушил на череп существа мощный удар карданом, в сердцах присовокупив трехэтажное крепкое слово.

В следующий миг оба они уже были отброшены в сторону и покатались по полу, выронив оружие. Подоспел еще кто-то отважный, пытаясь достать ослепшего на один глаз врага – однако быстрый взмах «косы» стремительно разделал смельчака, как повар разделывает рыбину. Руки отлетели в разные стороны, комок внутренностей со шлепком вывалился из рассеченного живота...

Едва дыша, Хватов приподнялся на локте. В груди ломило, горело огнем. Видать, ребра были сломаны – да и черт бы с ними, лишь бы случайный обломок не пробил легкое, вот тогда действительно дело труба. Мужчина попробовал подняться, но не смог. Отяжелевшее тело тянуло к земле. Мимо, надрывно вопя, промчался прихрамывающий Мазай, нацеливший на врага свое копье.

– Стой, дурак! – хотел было остеречь Хватов, но не смог, только захрипел. Солоно от крови было во рту.

Нанести удар Мазай, конечно, не сумел – куда ему, старику. Чудище стремительным ударом вышибло оружие из его костлявых тощих рук. Копье с лязгом бухнулось прямо под носом у Хватова. Мужчина с ужасом наблюдал, как поднялась для удара жуткая лапа-коса, как начала опускаться, вынося Мазаю смертный приговор... Однако старик явил настоящее чудо проворности и успел отскочить в сторону. Вернее, почти успел. Окровавленное лезвие срезало ему ногу чуть пониже колена. Нога, крутясь, отлетела к стене и замерла. Из глаз Хватова едва слезы не брызнули. Да, да, это он тоже уже видел. В прошлый раз, когда Серега из Ростова, веселый парень, задорно наигрывающий на губной гармошке, наступил на замаскированную мину. Взрыв, красная афганская пыль облаком вздымается в воздух, словно милостиво пытаясь заслонить от глаз сослуживцев ужасное зрелище... Нога, вращаясь в полете, летит по дуге, словно живя собственной жизнью, и исчезает в зарослях саксаула...

Хватов подумал, что для Мазаю уже все кончено. Лишиться ноги – все равно что умереть, во всяком случае, здесь и сейчас. Кто остановит кровь в разгар боя, кто промочит рану? Была бы под боком больница – другое дело, а так... Пиши пропало.

Между тем Махмуд успел прийти в себя и снова схватиться за кардан. Чудище, судя по всему, не ожидало подобного сопротивления со стороны мягкотелых визжащих людишек. Новый удар снова пришелся по плоской чешуйчатой голове, на этот раз сопроводившись звонким хрустом. Похоже, Махмуд вложил в этот удар все свои силы, и теперь сам припал на одно колено, едва не выронив оружие. Но чудовище не попыталось его добить. Напротив, само оно кинулось наутек, роняя густые темные капли из выколотого глаза.

Хватов понял, что время выходит – еще немного, и тварь исчезнет в черном зеве вентиляционной шахты, и все принесенные жертвы окажутся напрасными. Взгляд мужчины, все еще затуманенный не к месту брызнувшими слезами, упал на мазаево копье, валяющееся у его ног. Подобрал оружие, качнул его в руке – в меру тяжелое, достаточно острое. Длинное членистое тело монстра уже наполовину скрылось в трубе. Времени на размышления не оставалось – Хватов сделал первое, что пришло ему на ум. Размахнулся и метнул копье во врага. Заточенный кусок трубы просвистел в воздухе, как брошенная богом-громовержцем молния, и с чавканьем вонзился в существо, пробив длинное уплощенное тело насквозь. В этот момент Хватов закричал, но не услышал самого себя. В голове слегка помутилось, жаркий ветер Афганистана дышал ему в лицо... Мужчина ткнулся носом в пол, в широко разлитую лужу чужой крови.

Хватов пришел в себя оттого, что кто-то трепал его за плечо. Как выяснилось, это был Махмуд. Его уродливую, бугорчатую физиономию густо покрывали капли черной слизи.

– Ты как? – коротко осведомился лидер заводских.

– Порядок.

Было тихо. Курились паром разлитые всюду лужи крови, тяжелые багровые капли сползали по стенам, обшитым листами проржавевшей жести. Острый запах потрохов висел в воздухе, кто-то чуть слышно постанывал.

– Видать, крепко застряло, – снова сказал Махмуд, и только теперь Хватов неловко поднялся на ноги и взглянул на чудовище.

Что ни говори, бросок ему действительно удался. Копье пронзило тварь насквозь – после этого она рванулась вперед, желая поскорее исчезнуть в шахте вентиляции, но концы копья застряли поперек горловины трубы, не позволяя существу сдвинуться с места. Задняя его часть по-прежнему свисала в коридор, вяло перебирая многочисленными суставчатыми лапами. Темная мутная сукровица обильно струилась из сквозной раны, образовав на полу целую лужицу.

– Удачно ты его загарпунил! – послышался позади знакомый голос. Не веря ушам, Хватов резко обернулся. Мазай стоял у него за спиной, старательно балансируя на одной ноге – причем из обрубка не хлестала кровь, да и лицо старика не несло никаких следов страдания. Хватов удивленно разинул рот.

– Как?.. Тебе же ногу... Того!

– Ногу мне «того» еще лет десять назад, в автомобильной аварии, – беззаботно отмахнулся Мазай, – с тех пор колдыбаю на протезе, как старый пират. Кстати, будь добр... Поддай-ка эту штуку сюда, надеюсь, чудовище ее не сильно повредило...

Хватов замотал головой и вскоре заметил деревянную конечность в сторонке, у стены. Протез был цел. Общими усилиями удалось приладить его обратно к мазаевой культе.

– Держится! – довольно крикнул старик.

Остальные заводские как раз окружили застрявшее чудовище, которое содрогалось всем телом, пытаясь выбраться, но не могло податься ни вперед, ни назад – копье застряло намертво.

– Издохнет али нет? – пугливо поинтересовался один из мужиков.

– Так мы ж ему поможем! – решительно заявил Махмуд, выхватывая из рук ближайшего товарища тяжелый топор-колун. Предводитель бродяг отважно приблизился к чудовищу и замахнулся для удара.

– Стойте! – внезапно прозвучало в повисшей тишине. Махмуд оглянулся. Пробившийся сквозь толпу Мазай вышел вперед и повторил:

– Стойте. Мы не должны его убивать!

– Это еще почему?!

– Вы не понимаете! Ведь это уникальное существо, возможно, единственное в своем роде! Последний пережиток эпохи настолько отдаленной, что от одной мысли о ней дух захватывает! Представляете, какую сенсацию в научном мире вызовет открытие этого создания?

– Ты чего несешь, Мазай? Видать, крепко головой приложился-то, когда упал!

В толпе зазвучал хохот – мужики с усмешкой и состраданием переглядывались друг с другом, косясь на Мазая. Хватов тоже внимательно наблюдал за ним. Что-то в старике изменилось – загорелись, заблестели глаза, до этого тусклые и невыразительные, бороденка встопорщилась, словно в запале жаркого спора. Должно быть, именно таким Мазай когда-то представал перед студентами, вещая с высоты профессорской кафедры. Как бы то ни было, слушать его никто не стал. Махмуд, матерясь, вогнал топор в тело чудовища, что вызвало в толпе взрыв радостного улюлюканья. Осмелели и остальные – каждый, у кого в руках было хоть что-то режущее или колющее, бросился к чудовищу и вонзил свое оружие в дряблую чешуйчатую плоть. Мазай, как мог, пытался их удержать, образумить, но уговоры не действовали. Слишком долго люди ждали этого момента. Темная кровь твари полилась рекой, фонтанами брызжа во все стороны, люди, как обезумевшие, кромсали ненавистного врага, едва ли не зубами выдирая из него куски плоти.

Хватов стоял в сторонке и наблюдал. Впрочем, кровавые брызги долетали и до него, черной росой оседая на старой, засаленной телогрейке...

Давешняя снежная буря миновала – высоко в небе, чистом, как переливающийся топаз, сияло солнце, мягко серебря сугробы и наледь на поверхности рельсов и труб. Хватов стоял, облокотившись на металлическое ограждение, и смотрел в даль, куда убегали две параллельные линии железнодорожных путей. В зубах у него дымилась самокрутка, за спиной висел новый рюкзак, подаренный жителями Слободки. Со стороны завода в его сторону как раз торопливо шагал Мазай, с трудом преодолевающий снежные завалы.

– Все бесполезно, – пожаловался он, подойдя, – не позволили сохранить ни кусочка от туши, все сожгли. Даже мертвое чудовище, разрубленное на куски, продолжало их страшить.

Хватов деловито покивал – мол, оно и понятно. Потом заметил, что за спиной Мазая тоже болтается походная сумка. На нос старик нацепил потрескавшееся пенсне.

– Далеко собрался-то?

– В город, – Мазай кивнул в сторону черной зубчатой линии на горизонте, над которой курилось сероватое облако городских дымов.

– Насовсем, или как?

– Насовсем, – Мазай немного помолчал, поправил пенсне, сползающее по крючковатому носу, потом добавил: – У меня ведь там сын остался... Много раз звал меня к себе, да только я после смерти жены совсем того... Опустился, бродяжничал, много пил – стыдно было так, что мочи нет. Потому и сбежал от проблем, сунул голову в песок, как страус, а теперь... Знаешь, оказавшись на волосок от смерти, по-другому начинаешь на вещи смотреть. Понимаешь, чего хочешь от жизни, что успел, а чего еще нет.

Хватов молча кивнул, ноздрями выпуская густое облако едкого дыма.

– Возвращусь в город, восстановлю документы, – продолжал старик, – глядишь, примут хотя бы учителем в какую-нибудь школу... Мне ведь еще и пятидесяти нет, да вот как жизнь помяла. И никакой я не Мазай – Федор Филиппович я, Мазаев. Жаль, конечно, что не удалось сохранить тушу существа, для науки-то, очень жаль. Да и потом... Я когда тело осматривал, пока эти варвары его в домну не затолкали, вскрыл ему желудок – не поверишь, углем оно питалось, вот как. Обычным углем.

– Отчего же людей задирало?

– Кто знает? Может, из страха. Представь, ты один-одинешенек в чужом краю, кругом какие-то непонятные двуногие твари снуют, как тут не испугаться? Да, жаль его, жаль. Оно было одним из нас – такое же забытое, никому не нужное существо, бродяга среди чужаков... Очень жаль...

Потом, пожав друг другу руки, они разошлись – Мазай, хромая, заторопился в сторону города, напрямик в новую жизнь, а Хватов неспеша побрел вдоль рельсов. Навстречу ему уже двигался очередной поезд, постепенно сбавляющий ход.

Тайна Поющей Скалы

В полутемном зале постоянного двора мне в рукав вцепился дряхлый старик.

– Я вижу, вы прибыли издалека, – прошамкал он, широко разевая беззубый рот, – а значит, обязательно должны посетить Поющую Скалу!

В каком-то смысле я не был обычным туристом. Три дня назад под гнетом случайного порыва я покинул палубу корабля, направляющегося в Зартан, и побрел по неведомому острову, желая увидеть все, на что стоило посмотреть. Я не имел конкретной цели, ибо отправился в путь так давно, что цель путешествия начисто изгладилась из памяти.

– Поющая Скала, говорите, – усмехнулся я. – По правде сказать, я повидал уже достаточно ничем не примечательных местечек, которым местные специально придумывали красивые названия – для привлечения туристов.

– Тут вы не правы, – в улыбке оскалился старик. Он усадил меня за ближайший стол, затем жестом распорядился, чтобы подали выпивки. Я никуда не спешил, и потому готов был провести еще немного времени под этим сумрачным кровом из веток, обмазанных глиной, где воздух был расчерчен наклонными штрихами солнечных лучей.

– Поющая Скала – поистине дивное место! – протянул старик, глядя в пустоту за моей спиной. Его всклокоченная борода, напоминающая китовый ус, размеренно колыхалась в такт кивкам головы. – Вы наверняка полагаете, что повидали уже достаточно чудес – о, вы опытный путешественник, я вижу это. Но и мне довелось потоптать чужие берега – задолго до того дня, как я бросил якорь в здешнем порту. Я видел дальние моря и нехоженые острова. Я видел всевозможных дикарей, чьи нелепые обычаи любого джентльмена вогнали бы в краску или заставили выть от ужаса, подобно голодному псу. Я посещал острова, о которых хочется говорить без конца, и острова, о которых хочется молчать... Но нет на свете места прекрасней, чем Поющая Скала! Так утверждают все, кому довелось ее повидать. Там – крутой скалистый обрыв над морем, бушующим среди бритвенно-острых рифов, и холодные полузатопленные гроты, и камни столь причудливой формы, что невозможно поверить, будто неодушевленная природа выточила их... По вечерам же, едва солнце скроется за линией горизонта, каменные изваяния начинают петь – тревожные, ранящие душу ноты плывут над берегом, и эхом дробятся в неведомых черных гротах... Именно благодаря этому явлению Поющая Скала и получила свое название.

«Если все так, то я должен там побывать», – подумал я, а вслух сказал:

– Есть масса причин, по которым камень может петь. Скорее всего – мельчайшие дыры в скале, сквозь которые проносится ветер, издавая свист.

В ответ старик шутливо погрозил мне скрюченным пальцем. Потрескавшиеся желтые губы раскрылись, выпуская на волю сухой смешок:

– Я вижу, вы образованный человек, хе-хе... Другие твердят, будто в скалах обитают духи, равнодушные к пению, или что это негодующе воют морские бесы, обращенные в камень солнечным светом. А вас не проведешь.

– Расскажите свои сказки кому-нибудь другому.

– Но вы знаете море. Неужели даже оно своей властью не вселило в вас веру в сверхъестественное?

Я изобразил на лице подобающую улыбку, ясно дающую понять, что я не намерен вступать в дискуссии относительно вещей, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Затем спросил:

– Как мне пройти к этой скале? Я хочу видеть ее перед тем, как покину ваш остров.

Во всех подробностях старик описал кратчайший путь, после чего я попрощался и вышел на улицу. Жара тут же начала лизать мои щеки, воздух дрожал и плыл потоками расплавлен-

ного золота. Пальмы стояли без движения, тени их изрезанных листьев были глубоки и темны. Не оглядываясь, я покинул деревню – жалкое сборище лачуг, построенных на сваях – и направился по тропе вдоль берега. Не имея ничего, кроме полупустой походной сумки, шагал я налегке. Откуда-то из глубины острова, из изумрудно-зеленых недр, рвались к небу суматошные вопли обезьян и трели тропических птиц, крупных и ярких, словно экзотические цветы. Все это я уже видел на других островах, и потому мысли мои невольно опережали шаг, стремясь как можно скорее достигнуть сказочной Поющей Скалы. «Если слова старика правдивы хоть в какой-то степени, то эта прогулка не будет напрасной», – размышлял я на ходу. Руководствуясь полученным описанием, я преодолел ветхий висячий мост через теснину, дно которой густо поросло кустарником, и, миновав очередную пальмовую рощу, вышел на берег. В тот же миг стало ясно, что Поющая Скала передо мной.

Это был относительно узкий клин, вдающийся в море на несколько десятков метров. Тут и там виднелись обломки красноватого камня, мягкого и пористого – некоторые куски торчали вертикально, как вышколенные привратники, другие лежали вповалку, громоздкие, словно туши китов. Внизу, метрах в десяти, океанские волны точили камень, вспарывая себе животы о кинжальные лезвия рифов. То и дело над краем обрыва взлетали белые клочья пены, порожденные лопнувшей волной. Не знаю, в чем было дело – возможно, в кособоких линиях вертикально поставленных скал – но перспектива казалась призрачной, размытой и туманной, словно ты – во сне, и видишь перед собой дрожащую панораму неведомой планеты.

Я сделал несколько шагов в сторону обрыва и прислушался: долгий заунывный ропот бродил внизу, как вопли привидений под сводами старинного замка. «Не иначе, шум прибоя заблудился в пещерах, пронизывающих скалу», – решил я, а затем бросил взгляд на небо. Солнце начинало клониться к закату, и камни вот-вот должны были затянуть свою песню. Осмотрев ближайшую скалу, я заметил, что вся она испещрена мельчайшими отверстиями, которые являлись результатом работы многих и многих лет неустанной эрозии. Значит, очередной миф развеян! «Ветер свистит в дырах, вот и все, – удовлетворенно подумал я, – обычный ветер. Как мало нужно, чтобы проросли зерна суеверий в умах невежд!»

Тогда я расположился на одном из поваленных камней в ожидании вечернего представления. Поверхность оказалась на удивление теплой, словно камень старательно вобрал в себя весь солнечный жар, щедро лившийся на него в течение дня. Потом я вытянулся во весь рост и стал смотреть в небо. Его прозрачная голубизна медленно сменялась фиолетовыми красками по мере того, как солнце уползало в свое ночное логово. Когда алый диск окончательно скрылся в волнах, я ощутил дыхание прохладного ветерка, а затем над скалой пронесся звон настолько тонкий, что казалось, будто он скользит между самими атомами воздуха. Стоячие камни действительно пели, и это было красиво – хоть и не являлось чудом.

От моего каменного ложа исходило расслабляющее тепло, мелодичный напев баюкал сознание. Я закрыл глаза и начал запоем думать об отстраненных вещах. Память испуганной серной скакала от одного образа к другому, пересекая пропасти сонного забытья. Мысль воскресила весь путь, проделанный мною через моря и океаны, сквозь леса и раскаленные пустыни, дышавшие прахом тысячелетий. Километры дорог привели меня на этот богом забытый клочок суши, невесть когда поднявшийся из черной пучины. Здесь всегда тепло и солнечно, здесь песчаные пляжи сверкают на солнце, как россыпи золота на дне пиратского сундука. Как здорово было бы остаться здесь навсегда!..

К этой мысли я потянулся всем разумом, погружаясь в сон. Не знаю, что вывело меня из сладкого оцепенения – может, это был звук, или тень звука, или само ощущение происходящего где-то поблизости движения. Как бы то ни было, я успел среагировать, резко перекатившись в сторону. На тот участок камня, где мгновение назад находилась моя голова, с треском опустилась огромная дубина. С трудом приходя в себя, я уставился на неведомого врага.

Им оказался верзила высотой метра в два, с непомерно широкими плечами и вытянутым торсом, что придавало его туловищу почти треугольную форму. Во всем его виде сквозило что-то первобытное. Верхнюю часть тела почти полностью скрывала грязная мешковина, не позволяющая рассмотреть лицо. На мощных кривых ногах поблескивала кольчуга. Я не знал, кто он и откуда пришел, но намерения незваного гостя были очевидны.

Не дольше пары мгновений смотрели мы друг на друга. Затем он сделал выпад, размахивая узловатой дубиной, и мне вновь пришлось увернуться. Револьвер, как на зло, остался в сумке, а сумка стояла с той стороны камня, где находился неизвестный. Выходило так, что последней моей надеждой был походный нож, который я тут же и рванул из-за пояса – лезвие блеснуло розовым, отразив на мгновение последний закатный луч.

Враг – кем бы он ни был – легко перемахнул камень, и начал приближаться с ужасающей медлительностью. Сквозь прорези в мешковине я видел лихорадочный блеск его глаз, в которых ясно читалась жажда убийства. Не было смысла прибегать к словам.

Тяжелая дубина взметнулась к небу и обрушилась, впустую рассекая воздух – по части проворности я превосходил соперника, имевшего надо мною столь же ясное преимущество в силе. Еще какое-то время мы, как хищные звери, кружили по каменистой площадке над морем, затем сцепились и покатались под уклон. Многокилограммовая масса тут же прижала меня к земле, в спину впились острые грани камней. И пока одной рукой я бешено противился железной хватке могучих пальцев, другой мне удалось нанести врагу удар ножом в бок. Да, этот удар был совершен из неудобной позиции, но все же достиг цели – впервые незнакомец нарушил тишину, и взвыл от боли голосом чуть менее диким, чем рев издыхающего льва. Мое горло освободилось от хватки, смятые легкие наполнились воздухом, а на груди я ощутил теплоту льющейся крови. Желая укрепить победу, я нанес еще один удар, который вышел куда менее удачным, ибо всего лишь вспорол неизвестному кожу на руке. В глазах сделалось темно от напряжения. С пугающей отстраненностью подумалось, что сознание может вот-вот покинуть мое изможденное тело – чудовищное перенапряжение сил застлало взгляд темным туманом, пронизанным мерцающими вспышками. К счастью, раненый враг ретировался. Я услышал грузное свистящее дыхание и шаги, тяжело удаляющиеся в сторону обрыва. Это было последнее, что коснулось моих ушей перед обмороком.

По-видимому, я находился без сознания не более нескольких минут. Солнце окончательно село, стихла и песня стоячих камней. Где-то в глубине острова раздался тревожный крик ночной птицы – как стон привидения – затем в зарослях, подступающих к скалистому уступу, хрустнула ветка. Это заставило меня напрячься и подняться на ноги, хотя я был уверен, что мой неведомый враг скрылся в противоположном направлении. Там, где чуть слышно плескалось успокоившееся к ночи море.

В кустах снова зашумело, послышался треск и шорох пальмовых листьев. Кто-то неуклюжий в спешке пытался скрыться, осознав, что выдал свое присутствие. К тому времени часть сил возвратилась в мое тело, и я без особого труда сумел настигнуть этого ночного наблюдателя. К моему удивлению, им оказался старик с постоялого двора. Едва я схватил его за плечо, как он тут же повалился на колени и принялся умолять, чтобы я сохранил ему жизнь. Его речи показались мне неуместными – лишь потом я сообразил, что все еще сжимаю в руке окровавленный нож.

– Признавайся, зачем подглядывал! Не то убью! Ну! – не имея дурных мыслей, я все же не смог сдержаться от угрозы – уж больно комично звучали его мольбы.

– Я должен был убедиться... – сквозь рыдания пролепетал он. – Убедиться, что все прошло как надо... А вы... Вы убили его! Теперь он умрет, потому что ни от кого не принимает помощи.

– Кого я убил? Кто умрет? Да хватит причитать, объясни же по-человечески! Смотри, я убираю нож. Теперь говори.

Сообразив, что ему ничего не угрожает, старик сумел совладать с собой:

– Я называю его Шкипер Джо... Я всегда мечтал, чтобы мой сын стал шкипером, да теперь уж не судьба. Он умрет, вы пробили ему сердце... Бедный, бедный Джо...

– Но он первым на меня напал. По правде сказать, только благодаря чуду я до сих пор жив.

– Да, он не любит чужаков, – скорбно вздохнул старик, – он вообще не любит людей. Но право слово, нам в деревне никогда не было от него хлопот. Иной пьяница или дебошир доставляет куда больше проблем, чем Шкипер Джо, клянусь вам! Однако по временам... В нем просыпается аппетит, доставшийся ему от матери. Тогда я заманиваю чужаков к Поющей Скале, и уж там малыш разделяется с ними по-свойски... Но кто без греха?

Вникнув в смысл сказанного, я едва сдержался, чтобы не отвесить старику хорошего тумака:

– Так ты, старая шельма, нарочно меня сюда заманил?!

Этот упрек он словно пропустил мимо ушей. Старик стоял на коленях, дряхлый и жалкий, и тихо бормотал:

– Зачем вы были с ним так жестоки? Теперь он умрет, Джо умрет, я видел, как из него хлестала кровь... Я всегда хотел, чтобы Джо остался с матерью, но его не приняли. Сколько же лет прошло?... Теперь он живет в пещере, где старый пират схоронил свои сокровища...

– Значит, это твой сын? – спросил я, силясь уловить хоть какой-то смысл в словах старика. Достав сигарету и спички, чтобы успокоить нервы хорошей затяжкой, я замер в удивлении, едва только сера вспыхнула желтоватым огоньком. Спичка осветила мою грудь, залитую чужой кровью во время драки, и кровь эта блеснула радужными зеленовато-изумрудными переливами.

– Что за черт! – изумленно протянул я, выронив сигарету из раскрывшихся губ.

– Однажды наша шхуна достигла Островов Примирения, – сказал старик в пустоту. – Капитан все удивлялся, как можно было поставить один на один такие огромные камни?

– Старик, ты меня слышишь? – я потряс его за плечи, пытаюсь вернуть из пучин прошлого ко дню сегодняшнему. – Какие к черту камни, объясни лучше, что за зеленая дрянь на мне?!

– Вы же его ранили, – был апатичный ответ, – в этом он похож на нас – если ранить, потечет кровь.

Тьма тропического острова словно шагнула ближе в этот момент. Спичка погасла, опалив мои пальцы. Возникло ощущение, что я стою на пути мчащегося паровоза – то была близость тайны, неохватной, как гора. Пересилив внезапное желание рвануть бегом в сторону деревни, я повернулся и побрел на звук океана. «Чего опасаться? – думал я, – нападавший, кем бы он ни был, смертельно ранен. Вероятно, к этому моменту он уже испустил дух. Но здесь что-то странное, право слово. Мне нужно разобраться...»

Старик, судя по звуку, поднялся с колен и побрел вслед, стараясь сохранять дистанцию. Тем временем из веток и пальмовых листьев я скрутил факел, вспыхнувший достаточно ярко, а затем приблизился к месту недавней схватки. Тут валялась брошенная коряга, которой орудовал нападавший, а среди камней блестели густые лужи зеленой жидкости. Этот отвратительный след уводил к обрыву, как путеводная нить, дальше – с уступа на уступ, пока не скрывался в черном проеме грота в нескольких дюймах над кромкой воды. Оставалось только удивиться, как этот здоровяк проделал столь сложный путь, не свернув себе шею? Осторожно, стараясь обойтись без резких движений, я начал рискованный спуск, освещая факелом сырую поверхность отвесных скал. Капли влаги оседали на моем лице, взлетая от разбивающихся волн; черные прибрежные рифы угрожающе торчали из воды, как плавники гигантских акул.

Достигнув грота, я поднял факел повыше, желая осветить самые дальние уголки, но каменный проход убежал вдаль, во тьму. На полу блестели зеленые пятна – значит, Шкипер Джо действительно благополучно достиг своего убежища, не сорвавшись в море.

Сделав пару шагов вглубь пещеры, я оглянулся на фиолетовый проем выхода – интересно, последует ли старик за мной и сюда? Свободной рукой я взял наизготовку нож, сослуживший мне добрую службу, а затем цокнул языком, сообразив, что забыл захватить из сумки револьвер. Возвращаться за ним, снова карабкаясь по влажным уступам, не хотелось. Вероятнее всего, это был бы напрасный риск – с такой раной в боку мой враг вряд ли представляет хоть какую-то угрозу. Успокоенный здравыми рассуждениями, я зашагал вперед, в подземелье. Под ногами хрустели раковины моллюсков и рыбы кости, тут и там из скальных щелей свешивались длинные ленты зеленых водорослей. Остро пахло солью. Вероятно, по временам это место целиком заливалось океанскими водами. Влажный воздух буквально дышал испарениями неведомых глубин.

Через какое-то время тоннель сделал поворот, затем сузился до ширины обычного дверного проема. Совершив еще пару шагов, я оказался в округлой пещере, где огонь факела мигом потерялся, едва достигая стен. На полу у входа валялась холщовая накидка с прорезями для глаз – очевидно, здесь она была Шкиперу уже не нужна. Ткань насквозь пропиталась зеленой жижей. Дальше, на противоположном конце пещеры, что-то сверкало, искрилось в лучах факела, а рядом темнела черная грудa, имевшая человеческие очертания. Там, в углу, громоздились огромные прогнившие сундуки, наполненные золотом – золото было повсюду, россыпи золотых монет покрывали пол, изливались сквозь трещины раздавленных временем вместилищ. Там были и золотые кубки, и кольца, и серьги, и без числа драгоценных камней – но все это я разглядел лишь позже, спустя продолжительное время. А в первые минуты иное зрелище приковало взгляд – вид того, кто лежал поверх груды потемневших сокровищ, существа, сраженного случайным ударом. Его лицо больше не было скрыто мешковиной, и отвращение, какое оно могло бы вызвать при жизни, лишь усилилось теперь, когда тварь была мертва.

Я понял, что глупо было рассчитывать на иную развязку – зеленая кровь говорила сама за себя. То, что я изначально принял за кольчугу, покрывавшую ноги незнакомца, оказалось блестящей зеленоватой чешуей, уродливая треугольная морда напоминала рыбу. Водянистые глаза, точно вылепленные из придонной слизи, закатились, плоские выросты на месте ушей были приоткрыты, позволяя разглядеть красноватые недра жаберных щелей. Я стоял, склонившись над этой природной аномалией, не в силах отвести глаз, а в голове вдруг родилась мысль, что море мне противно.

Тем временем за спиной раздались шаркающие шаги – это был старик, отважившийся на спуск по влажным скользким скалам. В свете факела глаза его блестели, наполненные слезами.

– Я знал, что однажды этим кончится, – он присел возле распластанного уродa и ласково сжал мертвую лапицу своими ладонями, – ему не было места среди людей, но и с матерью он уйти не смог...

– Как это может быть? – только и сумел произнести я. – Как такое вообще может существовать?

– Не вам судить об этом, вы ничего не знаете. Сейчас все не так, как раньше. Когда мы покинули Острова Примирения, она еще долго плыла вслед за шхуной. Но я не мог остаться... Не знаю, как она сумела отыскать меня месяцы спустя... В теплых водах их полно... Русалки. Мы видели их много, и одна сумела разбить мне сердце...

После этих слов голос старика опустился до едва различимого шепота, а вскоре и совсем стих. Когда же я тронул его за плечо, невесомое старческое тело повалилось на грудy золота, и я понял, что старый моряк мертв. Он нашел себе последнее пристанище в русалочьем гроте, наполненном сокровищами, рядом с телом собственного сына.

Наутро я набил свою сумку драгоценностями, отобрав самые изящные на вид, и на первом же судне покинул остров. Я никому не рассказывал, что со мной приключилось. Поющая Скала до сих пор хранит свою тайну.

Никта

Никта! Чернильно-черная тьма беспроглядной ночи! Я не настолько наивен, чтобы рассчитывать на спасение – после всех событий, свидетелем которых мне довелось стать.

Оглядываясь вокруг, я вижу пышные луга и поросшие зеленью холмы, леса, пронизанные солнечными лучами, и колонны храмов, белеющие в просветах между оливковыми деревьями. После долгого пребывания во тьме солнце режет глаза, но я все равно вглядываюсь в живописный пейзаж, силясь сохранить в памяти каждую деталь. Реальность это, или демоническое наваждение – совершенно не важно. Я знаю, что обречен.

Та роковая ночь была ошибкой – глупо и самонадеянно было вторгаться в области, куда человечеству заказан путь, но я искренне верил, что иного выхода не остается. Путешествие сквозь адскую бездну спутало воспоминания, так что сейчас я лишь с большим трудом могу судить насчет того, что и зачем я собирался предпринять. На тот момент у меня была четкая цель и твердые намерения – безусловно, благие. В запертых домах по всей округе перепуганные люди с бледными лицами молились об успехе моего начинания. Это была единственная поддержка, какую я получил от местных жителей. Однако не стоит обвинять этих людей в малодушии – беспредельный ужас давил на них в течение многих лет...

Итак, куда бы я ни направлялся в ту ночь, я был абсолютно одинок. Сегодня это было, вчера, или же века назад? Или правильнее будет сказать, что это случится через пару тысяч лет?

Черный безымянный город остался за спиной, накрытой покрывалом сумерек. Свет в домах не горел, не было слышно ни человеческих голосов, ни каких-либо случайных звуков, обычно раздающихся в темноте – не скрипела полуприкрытая калитка, не стрекотали насекомые. По темному небу лениво ползли свинцовые облака, напоминающие жирных могильных червей – не было видно луны, которая могла бы осветить путь, так что брел я едва ли не наугад, опасаясь зажигать фонарь. Из подворотен и с коньков крыш за одиноким странником следили поблескивающие кошачьи глазки.

Насколько я могу судить, в тот момент я прекрасно понимал, какой угрозе подвергаю свою жизнь, разгуливая по улицам в колдовской час. Теперь о той угрозе сохранились лишь фрагменты воспоминаний – томительное предчувствие чего-то ужасного, тлетворная печать, наложенная на мою память.

В слабом звездном свете передо мной белела уводящая в даль дорога, мощенная булыжником, но не по ней я направил свой шаг, а свернул на едва приметную тропку, теряющуюся в густых зарослях терновника. Только человек, досконально изучивший местность, смог бы заметить эту тропку во тьме. Очевидно, я заранее продумал план действий.

Особую важность представляли несколько предметов, которые я имел при себе. В кармане брюк лежал электрический фонарик, но зажигать его сейчас было опасно, ибо свет мог привлечь внимание существ, встречи с которыми предпочел бы избежать любой здравомыслящий человек. В кармане пиджака лежал еще один фонарик, конструкции весьма странной, о происхождении которого я сейчас не могу сказать ничего – знаю лишь, что именно на этот прибор я возлагал все надежды. Также следует упомянуть некое подобие карманных часов, на циферблате которых вместо привычных цифр были изображены символы созвездий. Очевидно, этот прибор позволял судить о том, какие звезды находятся в данный момент на видимой части небосвода. Имелся у меня и пистолет, но его я захватил исключительно в качестве психологической поддержки, так как против врага, с которым я собирался схватиться в ту ночь, подобные игрушки были решительно бесполезны.

Непролазные заросли подступали к тропке с обеих сторон. Колючие ветки и сучья постоянно цеплялись за одежду, словно умышленно норовя меня удержать. Чем дальше продвигался я вперед, тем более жуткую форму принимали искривленные стволы деревьев. Вне-

запно передо мной выросла высокая стена из замшелого камня, вдоль которой я двинулся налево, пока не достиг пролома, полускрытого кустарником. Как оказалось, по ту сторону стены расположено древнее кладбище. Дальше мой путь пролегал вдоль бесконечных рядов могил с покосившимися надгробиями, мимо выщербленных склепов, словно изгрызенных чьими-то зубами, мимо сумрачных изваяний, изображающих ангелов и демонов (причем находились они в столь запущенном состоянии, что отличить одних от других можно было лишь с превеликим трудом). Это жуткое место было заброшено века назад. О том свидетельствовали и отбитые головы скульптур, и толстый покров плюща и мха, покрывший собою едва ли не каждый сантиметр серого камня. На месте некоторых могил зияли темные провалы, уводящие в недра земли на неведомую глубину. Из этих колодцев непроглядной тьмы исходили волны зловония, словно где-то там, далеко внизу, до сих пор гнили и разлагались тысячи мертвых тел. Впрочем, древность кладбища была столь велика, что все захороненные на нем тела давным-давно обратились в прах...

Я продолжал упрямо брести вперед, но чудовищному некрополю не было конца. Казалось, бесчетные ряды могил уходят до самого края земли. С тщетной надеждой я то и дело обращал взгляд к небесам, точно умоляя луну пробиться сквозь пелену тяжелых туч и озарить мне путь, прогнав навязчивые тени.

Уж не знаю, какими ориентирами я пользовался в этом отчаянном путешествии по землям тлена и разложения – но настал момент, когда из тьмы гордо выступили очертания монументальной постройки, напоминающей усыпальницу неведомого царя. Стела из черного камня венчала собою выпуклую куполообразную крышу, сквозь изящную арку входа проглядывал жирный смолисто-черный мрак.

Столетия назад это массивное сооружение наверняка блистало изяществом и роскошью – тень былого величия до сих пор лежала на потрескавшихся стенах, украшенных злоецими барельефами, и на искусных изваяниях, по периметру окружающих постройку. Витражи в окнах были выбиты, крыша местами обвалилась. Я твердо знал, что передо мною раскрылся вход во вместилище небывалых ужасов, где затаился древний враг. Да, я был испуган, но все равно с уверенностью обреченного шагнул под разрушающийся свод навстречу темноте. Пришел час зажечь электрический фонарик – как ни велика была опасность, но двигаться дальше абсолютно вслепую было невозможно.

Желтоватый свет озарил внутреннее убранство покоев, дышавших потусторонним величием. В стенных нишах вокруг меня громоздились ряды полуистлевших гробов, а в центре пола чернел узкий люк с высеченными в камне ступенями. Оттуда, из неведомых глубин загробного мира, струились едва различимые звуки, словно хор скрипучих голосов распевал неведомый гимн, не имеющий мотива.

С осторожностью я начал спуск по скользким сырым ступеням. Позеленевший камень стен был покрыт налетом плесени, тут и там от света моего фонарика спешили укрыться неповоротливые слизняки, оставляющие за собой блестящий след.

Я старательно светил себе под ноги, продумывая каждый шаг по крутым ступеням, но внезапно расшатавшийся камень выскользнул у меня из-под ноги, и я кубарем покатился вниз по лестнице, витками уводившей в бездну. Фонарик ударился о камни и погас.

Когда мир прекратил вращаться колесом, я с удивлением обнаружил, что каким-то чудом не свернул себе шею и лежу на земляном полу неведомых катакомб. Тьма не была полной – каменную кладку стен во многих местах покрывал прихотливый узор светящегося грибка, чье тошнотворное зеленое сияние слегка разгоняло мрак. Поднявшись на ноги, я первым делом проверил сохранность драгоценных приборов. К счастью, все они благополучно пережили падение, за исключением фонарика.

Бесовской напев сделался громче. С осторожностью я направился в ту сторону, откуда долетал шум, то и дело снимая с лица налипшую паутину. Коридор постоянно давал ответвле-

ния, заполненные тьмой, пол усеивали черепки разбитой посуды и осколки кирпичей. Кое-где белели кости и черепа, по виду вполне человеческие, но со странно искаженными пропорциями. Один из черепов имел на лбу два костяных выроста, напоминающих рога, хотя во всем остальном походил на череп обычного человека. Оставалось только догадываться, какая мерзость веками плодилась в этом подземном нерестилище...

Пение и хохот раздались совсем рядом – бессчетные глотки издавали хрипение и омерзительные вопли, сопровождаемые гулом духовых инструментов, рокотом барабанов и дребезжанием ржавых струн. Соседний тоннель озарился неярким светом факелов. Я тут же бросился к ближайшей нише, черневшей в стене, и затаился, не желая нос к носу столкнуться с участниками загробной сатурналии, чей топот я уже явственно различал, несмотря на крики и музыку.

И вот они предстали моим глазам – бесконечная колонна отвратительных существ, среди которых не нашлось бы и двух одинаковых. Право же, я и не ожидал встретиться в этих подземельях с нормальными людьми!

Первым вышагивал гордо выпрямившийся скелет, одетый в ржавые доспехи, которые громыхали на нем при каждом шаге – мертвец, движущийся походкой заведенного механизма, века назад носивший титул какого-нибудь графа или виконта. В руках он сжимал полуистлевшее знамя, на котором я различил латинские буквы «NYX». Далее следовала пара сиамских близнецов, брат и сестра, ласкавших друг друга самым непристойным образом. То и дело они сливались в страстном поцелуе, всякий раз после этого начиная хохотать. За ними, едва волоча непомерно раздутое брюхо, двигалась обнаженная беременная женщина, на лице которой лежала печать врожденного идиотизма. Ее косые глаза безостановочно вращались, она плевалась и выкрикивала богохульные проклятия, с трудом пританцовывая на ходу. Далее – горбун-альбинос с барабаном из человеческих черепов, и безглазый старик, хлеставший себя плеткой из колючей проволоки, и паукообразное чудовище, увенчанное невинной головой младенца, и еще без числа неопикуемых уродов, словно порожденных ночным кошмаром.

На протяжении длительного времени процессия двигалась мимо. Казалось, тьма будет до бесконечности изрыгать из своих недр этот омерзительный поток живого уродства. Но вот, наконец, последний из участников прополз мимо меня и скрылся за поворотом. Только теперь рискнул я покинуть укромную нишу, и последовал за сборищем, стараясь держаться на почти-тельном расстоянии. Впрочем, все эти существа словно пребывали в наркотическом экстазе, так что вряд ли бы заметили мое присутствие, даже если бы я стоял у них на пути и размахивал руками.

Бесконечные катакомбы с влажными стенами напоминали внутренности какого-то паразитического червя, угнездившегося в недрах земли; сквозь них лежал наш путь, мимо заброшенных доисторических склепов и остатков неведомых построек. Где-то неподалеку то и дело хлопали гигантские крылья; во тьме, куда не доставал свет чадящих факелов, шевелились силуэты бесформенных чудовищ, словно слепленных из кипящего мрака.

Затем впереди показался арочный проем, и процессия нырнула под эту арку из позеленевшего кирпича, занимая места в просторном амфитеатре. Потолок чертога подпирали колонны из черного мрамора, за одной из которых я и нашел себе укрытие. Мимоходом сверился с карманным прибором и убедился, что звезды еще не заняли необходимое положение.

Тем временем уроды расселись по местам, приготовившись созерцать действо, о котором я на тот момент имел довольно четкое представление, и потому сжимал в руке прибор, напоминающий фонарик, положив палец на кнопку. Одним глазом я следил за тем, что творилось вокруг, а другим отслеживал движение созвездий по циферблату – а двигались они, надо сказать, гораздо медленнее, чем мне того хотелось бы.

Внезапно суматошные вопли стихли, как по команде. Под ониксовым куполом повисла непривычная тишина, разношерстная толпа чудовищ застыла, в ожидании раззявив пасти. Проследив за их взглядами, я увидел черный проем в стене, за которым вроде бы виднелся

лоскут звездного неба. Я понимал, что это никак не могут быть небеса, ведь находились мы слишком глубоко в недрах земли.

Тем не менее, скопления светящихся точек очень напоминали настоящие звезды – вскоре они начали сливаться друг с другом, пока не образовали два пылающих сгустка. Мгновение спустя из темноты проема показалась женщина, или скорее существо, до времени принявшее женский облик. Волосы незнакомки были чернее воронова крыла, гладкими волнами спадая на грудь и контрастируя с болезненной белизной кожи. Она по-королевски окинула взглядом толпу, ниже пояса все еще оставаясь скрытой мраком. Звезды сияли в ее глазах. Я не отрываясь следил за нею, сраженный мистической красотой и правильностью черт точеного лица. Незнакомка напоминала ожившую античную статую, приведенную в движение силами черной магии. Внезапно она подалась вперед, и свет многочисленных факелов озарил нижнюю половину ее тела. Несмотря на то, что в эту ночь я уже с лихвой насмотрелся всяких ужасов, и, казалось бы, должен был перестать удивляться подобным вещам, но открывшаяся картина все равно повергла меня в шок.

Живот неведомой гостьи плавно перетекал в многосуставчатое членистое тело, подобное туловищу гигантской многоножки. Безостановочно шевелились тонкие узловатые конечности, тускло поблескивал во мраке хитиновый панцирь... Я отчетливо понял, кто находится передо мною – хотя, пожалуй, я знал это с самого начала – и буквально впился глазами в свои «звездные часы». Звезды приближались к необходимой отметке, но действовать пока было рано.

Я вновь бросил взгляд на королеву. Используя свои бессчетные лапы, она лихо спустилась по отвесной стене и замерла посреди круглой площадки перед алтарем. Извивающаяся задняя часть ее тела достигала нескольких метров в длину, находясь при этом в постоянном движении, как рассерженная змея. Изящные белые руки взметнулись в торжественном приветствии, и многоголосый хор дал ответ, выкрикивая имя своей повелительницы.

– Никта! – воздух задрожал, наполненный демоническим ревом. – Никта!

Мать Ночь, хозяйка темных пределов, чья утроба породила неразлучных братьев – Танатоса и Гипноса, Погибель и Сон... Неожиданно для самого себя я вдруг ощутил неодолимое желание присоединиться к хору голосов и точно так же исступленно выкрикивать имя богини... Не знаю, откуда появилось это желание – должно быть, память далеких предков заговорила в крови.

...Медленно, очень медленно движутся по небу звезды; неодолимо влечет мой взор красота загробной королевы. Ее глаза полыхают огнем далеких светил, ее губы черны, как межпланетный мрак – и наверняка так же холодны...

Опустив глаза ниже, на ее идеально округлые груди, я заметил, что вместо сосков их венчают маленькие зубастые рты, безостановочно клацающие челюстями и истекающие темной слюной. Но и эта картина не вызвала во мне отвращения. Очевидно, я уже попал под чары демонического существа, гармонично объединившего в себе черты красавицы и чудовища.

Тем временем, ритуал набирал обороты. Пара бесформенных уродцев, покрытых какими-то светящимися наростами, вытащила в центр зала ту самую беременную идиотку, которую я видел ранее. Она хихикала, улыбаясь во весь рот, на искривленных губах пузырилась пена. Монстры заботливо уложили ее на алтарь, так что один придерживал ей руки, а другой – ноги. Ночная королева наклонилась над нею и страстно поцеловала в губы. В руке богини тускло блеснул изогнутый клинок – в следующее мгновение через огромный голый живот беременной женщины метнулась кровавая полоса, а затем утроба разверзлась, подобно вулкану безостановочно извергая на свет поток маленьких отвратительных тварей. По виду они напоминали личинок – белесые, с суставчатыми телами, с клешнями и щупальцами на тупых мордах – и я даже предположить боялся, в каких чудовищ они могут превратиться со временем!

Барахтаясь в крови и внутренностях, маленькие бледные твари расползались во все стороны. Некоторые из них начали пожирать труп собственной матери – несчастной, кото-

рая мгновение назад разродилась столь чудовищным бременем. Мое внимание оказалось настолько приковано к этой отвратительной сцене, что я совсем позабыл о часах. Едва же взгляд обратился к циферблату, как я с волнением осознал, что пробил нужный момент.

Я должен был действовать – сейчас или никогда! Пока королева ночного собрания купалась в овациях и восторженных криках, я выскочил из своего укрытия и направил на нее прибор, по виду напоминающий фонарик. Действовал он аналогичным образом – после нажатия на большую круглую кнопку из выпуклой линзы ударил сноп света, который имел приглушенный и мягкий оттенок. Слабое дрожащее сияние словно с трудом пробивало себе путь сквозь густую тьму. Не знаю, в чем был его секрет – могу лишь предположить, что этот прибор имитировал свет звезд, воссоздавая в точности все соответствующие физические характеристики. Очевидно, определенные звезды в некоторых своих фазах способны оказывать воздействие на существ, подобных тем, что окружали меня со всех сторон. Воздействие было поистине могучим, потому что едва дрожащие лучи коснулись черной богини, как она издала неописуемый вопль боли, и попыталась защитить глаза, прикрыв их руками. Молочно-белая кожа тут же вздулась пузырями, которые с чавканьем лопнули, изливая наружу темную тягучую жидкость.

Я знал, что должен действовать стремительно, так как со всех сторон уже тянулись всевозможные лапы, клешни и щупальца, с твердым намерением изорвать мое тело на куски. К счастью, все эти твари боялись звездного света – едва чудесный фонарик обращался в их сторону, как кошмарным порождениям полуночного бреда приходилось с жалобными воплями уползать обратно во тьму, которая их и породила.

Но не они были моей целью – лишь гибель королевы смогла бы освободить окрестности от гнета томительного ужаса. Я говорю «гибель»? Да, на тот момент я действительно полагал, что ее можно убить – о, как я был наивен! Разве свет способен уничтожить тьму? Он может лишь рассеять ее на время, загнать в отдаленные уголки, куда не в силах пробраться его собственные лучи...

Я увидел, как членистоногая тварь с тонким телом изящной красавицы пытается скрыться в одном из коридоров. Этого нельзя было допустить – пройдет еще немало времени, прежде чем звезды снова займут нужные фазы, в которых их свет станет губительным для порождений ночи. Потому я кинулся вслед за королевой, стараясь постоянно удерживать ее в радиусе действия фонарика. Она вопила и причитала, то и дело выкрикивая проклятия на древнегреческом языке; испепеленная звездным сетом, от нее кусками отваливалась плоть. Человеческая часть тела чудовища все больше теряла свою привлекательность.

Я торжествовал, опьяненный ощущением могущества. Вот она, власть человека над силами природы, которые когда-то почитались высшими! Но века дремучих суеверий давно миновали – мы поднялись из пучины варварства, ведомые светом научного прогресса, и древние алтари оказались заброшены. Пришел черед изгнать из нашего рационального мира последние пережитки дикости, доказать, что человеческая премудрость стоит выше власти этих выходцев из допотопной эпохи!

Вот такие нелепые мысли роились в моей голове, пока я по пятам преследовал королеву (я уже знал ее имя; знаю его и теперь – но все равно не решаюсь лишний раз произнести вслух...) Ах, если бы я внимательнее изучал древние предания, то непременно помнил бы, что если человеку и удастся на короткий миг одержать верх над богами, то результат обычно все равно оказывается печальным – я недооценил силу древних, я презрел их могущество, и кара, на которую я теперь обречен, является заслуженной.

Настал момент, когда силы покинули Никту, и она без чувств распростерлась на полу. Длинное членистое тело содрогалось в конвульсиях, взметая тучи пыли и разбрасывая осколки кирпича и костей – этот нелепый придаток будто жил собственной жизнью. Я подошел ближе, желая укрепить свою победу – и тут изувеченное тело королевы лопнуло, извергая наружу липкий смолистый мрак, напоминающий чернила каракатицы. Вечная ночь, которая по неведо-

мой причине обрела материальную форму, вырвалась на свободу, едва только эта самая форма оказалась уничтожена. Мог ли я предвидеть такой исход? Сомневаюсь. Слишком отрывочны наши познания о мире существ, коих мы привыкли именовать богами, а зачастую познания эти и вовсе не соответствуют действительности.

Мощный удар в грудь повалил меня на землю, фонарик упал где-то поблизости. Он продолжал светить, но оказался бессилен против ночной темноты, сбросившей все оковы. В смрадном воздухе повис женский крик, переходящий в непереносимый визг, от которого едва не лопались барабанные перепонки. Тьма расплзалась, поглощая пространство, а я почувствовал, как неведомая сила хватает меня за ногу и влечет вперед, в самый центр чернильного облака.

Весь мир словно провалился в небытие. Я находился в свободном падении, поначалу не видя ничего кроме густой темноты. О, эти крики! – не иначе, обитатели Тартара вопят, беснуясь в яростной пляске на дне миров... Затем тут и там начинают вспыхивать звезды – они повсюду, но стремительно несутся вниз, словно падающие капли огненного дождя. Я слышу смех – он заполняет собой все пространство бесконечного космоса, заставляет сотрясаться каждую молекулу, каждый атом... Хохот преследует меня, но его источник неведом. Мертвые бесцветные планеты сталкиваются повсюду, обращаясь в облака космической пыли, которую тут же поглощают ненасытные рты черных дыр. Постепенно я понимаю, что не одинок в этом падении – повсюду кишат странные извивающиеся формы, зародыши чужеродной жизни... Законы развития едины для всех, даже божества проходят определенные стадии, прежде чем превратятся из отвратительной куколки в прекрасную яркую бабочку! Казалось бы, холодная логика торжествует... Они повсюду, эти формы... Сущности... Не знаю, как их назвать... А внизу, на самом дне космического водоворота, пузырится туманный сгусток беснующейся материи; он трясется, издавая утробный хохот, и я понимаю, что передо мной – Творец. С него все началось, и, скорее всего, на нем же и пресечется... Падение продолжается, и поразительно спокойный голос в моей голове декламирует одну-единственную строчку из Мильтона: «В начале был Хаос, эта черно-бездонная пропасть»...

Затем над галактиками встает призрачный силуэт, напоминающий женщину с волосами цвета воронова крыла, которые треплет космический ветер. Глаза горят, как две звезды – да ведь это и есть звезды, как я мог сомневаться?! Теперь она в своей родной стихии, здесь ее место, а вот я тут лишний... Гаснет свет... Занавес...

Когда я открыл глаза, вокруг простиралась холмистая равнина, накрытая ярко-синей простыней неба. Я увидел белые храмы и возделанные поля, увидел красивых людей с бронзовой от загара кожей. Безусловно, я на Земле. Возможно, в Греции – но эта Греция принадлежит вчерашнему дню. Греция, в которой боги до сих пор являются полноправными хозяевами мира, а по ночам от алтарей к небу возносятся призывные напевы и дым сжигаемых подношений...

Я больше не могу бороться. Едва спустится ночь, она придет за мной – в этом не может быть сомнений. Сердце хаоса, источник скверны – я видел его, и я не смею молить о пощаде. Никта! Прими мою душу, хозяйка вечной ночи!

Тезка

...Чудовищная режущая боль раздирала ему мозг, пульсировала, накатывая неуправляемой волной, и отступала снова – лишь для того, чтобы мгновение спустя вернуться и возобновить пытку. Казалось, изнутри кто-то скребется о стенки его черепа. Хотелось выть, хотелось раздробить себе голову обо что-нибудь твердое. Без устали Антон глотал обезболивающие таблетки, но никакого эффекта они не имели. Тем временем, в уши вливались ревущие и дребезжащие звуки тяжелого металла. Звук был выкручен на полную мощность, того и гляди, ветхие стены старой квартирки не выдержат, сложаются как карточный домик, и погребут его под собой. Что ж, такому исходу Антон был бы только рад – вместе с жизнью его тело покинула бы и проклятущая боль.

Она началась еще вчера вечером, и с тех пор не отпускала ни на миг. Более того – она усиливалась. Лишь тяжелая музыка смогла ее слегка притупить. Адская какофония, терзающая барабанные перепонки, действовала подобно наркозу. Но целиком и полностью боль не отпускала – она свила себе уютненькое гнездышко в стенках его черепа. Там, внутри, ежесекундно словно взрывалась осколочная граната.

Он лежал на кровати, обхватив голову руками. Во всю надрывалась выдавшая виды стереосистема, на пластиковой поверхности которой запечатлелись следы многочисленных сигаретных ожогов. Металл гремел, трещал, вопили гитары, неумолчный грохот барабанов сотрясал полупустую комнату, а обезумевший вокалист выдавливал из себя такие звуки, будто его живьем потрошили на раскаленном противне...

Лишь когда закончилась очередная композиция, Антон услышал, что его входная дверь сотрясается под градом яростных ударов. На лестничной клетке, судя по звуку, истерично причитала его соседка из квартиры напротив, ей вторил нестройный хор голосов.

Он с неохотой встал с кровати и ткнул пальцем в кнопку паузы. После того, как натиск тяжелой музыки прекратился, пошла в атаку проклятущая мигрень – железными когтями вцепилась в мозг, сдавила и смяла его, так что Антон едва устоял на ногах. Наверное, именно так чувствовали бы себя древние мумии, когда им через ноздри вытягивали мозг при помощи заостренных крючьев.

Шатаясь, он пересек свою заплеванную комнату и отворил дверь. На лестничной клетке, судя по всему, столпились все жильцы этого дома. Они кричали и потрясали кулаками, они угрожали ему – но Антон их не слышал. В ушах звенело, будто целая армия буддистов иступленно колотила в медные гонги. Однако он знал, чего хотят соседи – им нужна тишина. Музыка сводит их с ума, не дает уснуть. Она пугает маленьких детей. Но со вчерашнего вечера Антон не мог существовать в тишине. Поэтому он мысленно послал их ко всем чертям, хотя губы его произнесли: «Хорошо, я сделаю тише». Затем он с лязгом захлопнул дверь, из-за чего со стены сорвалась старая пластинка – первопресс группы «Deathwish». Черный блестящий кругляш стукнулся об пол, и развалился на несколько частей. В другое время Антон расстроился бы из-за потери такого раритета, но сейчас ему было наплевать – чудовищная боль сводила с ума.

Родители называли его «Антон».

Соседи называли его «этот черт».

Сам он называл себя «Ньярлатотеп».

Антон вновь повалился на кровать, не снимая своих грязных армейских ботинок. Музыка включать не стал – нет смысла продлевать агонию. Если боль способна отправить его на тот свет – что ж, пусть так. Возможно, смерть принесет долгожданное облегчение.

Внезапно сквозь звон в ушах пробилось нечто иное, нечто, напоминающее далекое завывание флейты. Антон приподнялся на локте и напряг слух. Несомненно, где-то поблизости звучала музыка, неопишимо красивая и столь же жуткая, музыка, какой он не слышал никогда

раньше. В ней слились завывания ветра над барханами жарких пустынь, и звон стеклянных струн под пальцами ангелов, и тонкие колокольчики фей. Она то прилетала из невообразимой дали, то раздавалась совсем рядом, будто под окном, она ласкала и угрожала одновременно. И самое главное – она прогнала боль. Сначала чудовищная пульсация внутри черепа сделалась более редкой, а затем и вовсе пропала.

Не веря в свое чудесное исцеление, Антон встал с постели. Он принялся вертеть головой, пытаясь сообразить, откуда доносится чарующая мелодия, но та не имела конкретного источника. Сам воздух звенел, наполненный дивными нотами. Антон слышал это, несмотря на звон в ушах, надежно заглушивший все прочие, обыденные звуки.

Внезапно ему показалось, что предметы его скудной обстановки пришли в движение. Ободранная противоположная стена словно покрылась рябью, а затем медленно распалась на отдельные кирпичики, которые закружились в такт потусторонней мелодии и выстроились в каменную дорожку, широкими витками уводившую в бесконечный пепельно-серый сумрак. Мелодия звучала оттуда, извне, она манила шагнуть за предел и оказаться в ином мире, наполненном переливами волшебных мелодий.

И Антон сделал этот шаг – вперед, навстречу хаосу. С ним никогда еще не приключалось подобных галлюцинаций, настолько странных и настолько реалистичных. Мелодия змеей вилась вокруг него, то затихая, то вспениваясь бурным крещендо, и Антон вдруг ясно осознал, что эта потусторонняя музыка имеет в основе своей более, чем восемь нот. Ей вторили арфы Эола и тростниковые дудочки в руках сатиров.

Серый туман мерцал и клубился вокруг. Периодически в нем рождались картины из жизни минувших эпох и далеких миров, точно вылепленные гигантской незримой рукой. Картины возникали на миг, а затем истаявали, обращаясь в бесформенные клочья все того же серого тумана. Антон уверенно двигался по дорожке, ощущая в душе смесь благоговения и запредельного ужаса. Возможно, он находился во власти какого-то внушения со стороны высших сил, которые оставались скрытыми от глаз. Так могли себя чувствовать крысы из сказки братьев Гримм, которых гипнотическая мелодия дудочки вела на верную смерть...

Когда кирпичная дорожка закончилась, Антон сделал шаг в бездну и медленно полетел навстречу серебристому сиянию, которое разрасталось в неизмеримой глубине.

Очнулся он на своей кровати – с комнатой все было в порядке, стена тоже на месте, целая и невредимая. Да и могло ли быть иначе? В ушах все еще звенело, но таинственная музыка стихла.

Неспешно поднявшись на ноги, Антон встал посреди комнаты, опасаясь совершать резкие движения. Легким покалыванием в голове напомнила о себе давешняя боль, но едва Антон попытался воспроизвести в уме те мелодии, которыми было наполнено странное видение, как самочувствие его улучшилось.

Она прочно засела в голове – эта музыка сфер. Антон в спешке накинул на плечи проклепанную кожаную куртку и вышел из дома, направляясь в сторону гаража на заброшенном пустыре. В этом гараже располагалась импровизированная репетиционная база группы «Магнум Инноминандум», в которой Антон числился вокалистом – под псевдонимом «Ньярлатотеп». Также в группе состояли барабанщик Нергал и гитарист Азраэль, а сам Антон в дополнение к вокальным партиям еще и играл на бас-гитаре. Несколько раз они выступали в мелких клубах и на разогреве у более именитых городских команд, но профессиональными музыкантами себя не считали. Да им это и не нужно было. Главное, что рядом всегда полно пива и доступных девчонок.

Антон спешил как можно скорее добраться до гитары и попытаться воспроизвести хоть что-то наподобие той музыки извне – пока воспоминания еще свежи, пока отголоски заоблачных фуг до сих пор блуждают где-то внутри его головы.

Со скрежетом распахнулась ржавая гаражная дверь, и Антон щелкнул выключателем. В тот же миг тесное помещение наполнилось неровным светом одинокой лампочки, озарившей музыкальные инструменты, в беспорядке сваленные в кучу посреди гаража. Подключив гитару, Антон забегал пальцами по струнам, силясь повторить засевший в памяти мотив. Поначалу ничего не получалось – он чувствовал себя так же, как и семь лет назад, когда впервые взял в руки гитару и попытался на слух воспроизвести композицию «Flag of Hate» группы «Kreator». Однако полчаса спустя ему все-таки удалось выжать из инструмента нечто, хоть в какой-то мере напоминающее тот сверхъестественный звон. Это была его первая победа – несколько часов спустя уже изрядный кусок мелодии ожил под его пальцами и заплясал, отражаясь от гаражных стен. Здесь, в гараже посреди пустыря звуки эти казались крайне неуместными. На какую-то секунду Антон почувствовал себя настоящим святотатцем. Безусловно, достойным местом для исполнения подобной музыки мог бы оказаться просторный мраморный храм с резными колоннами и цветными мозаиками в окнах, или роскошные королевские покои, застланные дорогими коврами и освещенные мерцанием свечей в канделябрах из чистого золота. Но никак не проржавевший от времени гараж...

Антон отложил гитару в сторону лишь когда почувствовал себя полностью измотанным. Мелодия была уникальна, это факт, но почему это музыкальное откровение снизошло именно на него? Неужели в нем проснулся дремавший до времени талант? Он с сомнением закусил губу – Антон мог поклясться, что сверхъестественная мелодия пришла к нему извне, словно вложенная кем-то в его голову, а он лишь в меру собственных способностей попытался воспроизвести ее. И добился некоторых успехов!

Его сердце трепетало от восторга, когда он покидал гараж. На город уже плотным покровом опустилась ночь, и пустырь со всех сторон был окружен роем светящихся окон. С трудом разбирая дорогу, Антон направился в сторону своего дома, черный силуэт которого выделялся на фоне звездного неба. Лишь в нескольких окнах горел свет.

У подъезда, под фонарем, Антон решил перекурить – дрожащими руками вытащил сигарету и хлопнул по карманам в поисках зажигалки. Тут же в темноте раздался щелчок, и рука в черной перчатке поднесла огонек к самому его лицу. Раскурив сигарету, Антон с интересом уставился на человека, оказавшего ему услугу. Незнакомец тем временем спрятал зажигалку в карман своего черного пальто, и без лишних предисловий заявил:

– Они уже вышли на ваш след.

Антон не понял, о ком идет речь, но фраза незнакомца прозвучала зловеще.

– Кто – «они»?

– Неужели вы не знаете? Ведь они связались с вами. Вы видели их мир, вы слышали звуки, которыми пропитан хаос по ту сторону звезд.

Антон тяжело сглотнул. Так это была не галлюцинация? А если галлюцинация, то как о ней прознал таинственный незнакомец? Присмотревшись к нему внимательнее, Антон разобрал, что одежда этого человека выглядит новой, будто ее только что доставили из магазина. На блестящих туфлях даже не было следов грязи, хотя весь двор был густо покрыт ею после недавнего дождя.

– Как вы узнали? – наконец спросил Антон, выбрав из списка возникших вопросов наиболее прозаический.

– Мы следим за каждым его шагом, за каждым шагом его слуг. Так же, как они следят за нами.

– Да о ком вы говорите, черт возьми?!

Глаза незнакомца зловеще блеснули.

– Ньярлатотеп, – произнес он, – вы слышали музыку его слуг.

Антон, конечно, много раз слышал это неудобопроизносимое имя – ведь именно так его называли коллеги по группе и их немногочисленные фанаты. Когда-то давно Антон вычитал

его в старой книге, посвященной колдовству, и ему показалось, что это имя послужит вполне подходящим псевдонимом. Ньярлатотеп. Но почему же сейчас от этого слова дохнуло на него обжигающим холодом межзвездных пространств? Почему, сорвавшись с губ незнакомца, оно прозвучало так зловеще? По телу Антона пробежал мороз.

– Он выбрал вас для того, чтобы вы привнесли в современное искусство мотивы неизбывного зла из космической пучины.

– Но почему я?! – Антон с трудом подавил дрожь в голосе. Он не верил в колдовство и темных богов, он не верил ни во что, кроме того, что видел своими глазами. Но в том-то и дело, что за последние сутки он видел и слышал слишком много.

– Ну, – улыбнулся незнакомец, – стоит ли искать логику в поступках воплощенного хаоса? Хотя, быть может, все дело в том, что вы украли его имя. Этим вы привлекли к себе его внимание, и такой поворот событий показался ему забавной шуткой. Ведь Ньярлатотеп большой любитель пошутить – на свой лад...

К этому времени слух вернулся к Антону в полной мере, звон в ушах окончательно прекратился, и молодой человек вдруг с ужасом осознал, что вокруг царит истинно замогильная тишина. Нечто огромное затаилось в окружающей природе, нечто, умело укрывшееся за серыми коробками домов и облетевшими деревьями, за выщербленными заборами и переполненными мусорными баками, за всем тем, что составляет собой покрывало реальности, брошенное нам на глаза. Вещи, окружавшие его на протяжении всей жизни, оказались вдруг не более чем театральными декорациями, по ту сторону которых идет – и будет идти вечно! – борьба поистине титанических сил...

– Мы не можем допустить его триумфа! – быстро проговорил незнакомец, хватая Антона за руку. – Силы Ньярлатотепа и Ктугхи ныне уравновешены, и мы во что бы то ни стало должны удержать этот баланс! Идите за мной, и делайте все, как я скажу. Мы должны призвать Ктугху – только он способен защитить планету от своего извечного врага, коим и является Ньярлатотеп. Но и сам Ктугха – вовсе не воплощение вселенского добра! Помните это! Нас ждет рискованное предприятие.

Незнакомец потащил Антона куда-то сквозь темноту, на ходу рассказывая ему о короле огненных вампиров Ктугхе и его пылающем царстве в сердце Фомальгаута. Антон слушал вполуха и с трудом сознавал, куда его тащат – чужеродность окружающей обстановки, которую он внезапно осознал, выбила его из колеи. Он неподдельно удивился, когда несколько минут (лет, веков, тысячелетий) спустя они оказались перед проржавевшим гаражом на пустыре. Казалось, музыка, которую он собственноручно играл здесь некоторое время назад, до сих пор призрачным эхом витала над этим местом.

Дальнейшие события Антон созерцал будто со стороны. По просьбе незнакомца он позвонил Нергалу и Азраэлю, вызвав их на внеплановую репетицию. Те не слишком возражали, так как давно привыкли вести ночной образ жизни. Антон долго пытался втолковать им, что именно они должны играть, но затем махнул на бесполезные слова рукой и попросил просто подстраиваться под его гитару. Чужак в черном, тем временем, при помощи мелка вычертил вокруг них странный символ. Последовал взмах руки, затянутой в черную перчатку, и Антон начал играть. Пораженные коллеги далеко не сразу сумели подключиться к процессу – уж больно невероятные звуки выжимал из своей гитары Антон.

Вскоре им все же удалось превратить сумбурную какофонию в нечто связанное, и тесный гараж наполнился сверхъестественными звуками, каких до этого не слышал никто из ныне живущих. Возможно, тысячи лет назад, в мрачном проклятом Египте нечто подобное исполняли перед тронем Ньярлатотепа – и может быть, еще настанет день, когда воплощенный хаос вновь воцарится на этой планете и над черным песком ночных пустынь как встарь поплывет чарующая и зловещая музыка космических глубин.

Антон видел эти странные образы в своей голове – осклизлые подземелья египетских храмов, раскаленный песок, пирамиды на заре их юности, Сфинкса, безмолвно застывшего на страже подземных покоев Ньярлатотепа...

Увлеченный своими видениями, он не сразу заметил, что серый туман поглотил окружающую обстановку. Незнакомец тем временем вытащил из-за пазухи маленькую безымянную книжку в черном переплете, и принялся читать из нее какое-то заклинание. Это было именно заклинание – даже Антон чувствовал скрытую силу, заключенную в словах неизвестного языка. Звуки дрожали от переизбытка энергии, как натянутые струны или высоковольтные провода.

Одновременно с этим стена серого тумана, окружившая их со всех сторон, начала изрыгать из себя омерзительные сгустки дряблой протоплазмы – подобно дрожащим амебам, эти существа то выпускали из своего тела многочисленные ложноножки, то втягивали их обратно с омерзительным хлопанием. Антон понял, что это и есть слуги Ньярлатотепа. Слетелись на звуки музыки, как мотыльки на огонь. Затем в тумане зародился новый вид движения – нечто длинное и извивающееся тянулось к людям из пустоты. Вскоре Антон различил огромное щупальце, густо поросшее клешнями на длинных стебельках, которое выползло из сумрака, медленно покачиваясь в такт зловещей мелодии. Овальный светящийся глаз замаячил где-то впереди, как фара дальнего света.

Антон играл, точно загипнотизированный, пытаясь выбросить из головы все мысли. Он понимал, что слишком близко подобрался к черте безумия, и дальнейшие размышления могут заставить его сделать еще один шаг вперед.

Внезапно заклинание прервалось, и незнакомец жестом потребовал прекратить игру. Когда музыка смолкла, он произнес заключительные строки своего заклинания:

– Иэ, Ктугха!

Ответом прозвучал протяжный рев, донесшийся откуда-то из-за края земли. Мерзкие амобы с тревогой замерли, прекратив свое хаотическое кружение, а затем послышалось нечто, отдаленно напоминающее раскат грома. Без сомнения, это и был всего лишь гром, а никакой не гулкий злорадный смех, раздавшийся в высоте. Лучи алого света прорвались сквозь туман, и в прорехи тут же хлынул огонь – пылающие шары закрутились вокруг людей. Неспособные пересечь магический круг, они в бессильной злобе накинулись на амоб, мгновенно обратив их в пепел. Антон закашлялся, попав в облако едкого клубящегося пепла. Глаза тут же начали слезиться, но он успел разглядеть, как обожженное щупальце в спешке уползает прочь, а жуткий глаз гаснет вдали. Когда же зрение полностью восстановилось, Антон увидел, что все вокруг уже пришло в норму. Адское пламя, серая протоплазма, гигантское щупальце – все это исчезло, так же как и таинственный незнакомец. Похоже, его магия все-таки сработала, но у Антона не возникло никакого желания найти этого человека и отблагодарить его.

Он помотал головой, желая убедиться, что боль прошла. Без нее Антон даже ощутил внутри себя какую-то пустоту – настолько он привык к этой жуткой мигрени, что на протяжении многих часов нещадно прожигала измученный мозг. Его разум с трудом принял тот факт, что весь этот фантазмагорический кошмар, наконец, закончился.

– Ньярлатотеп, может ты нам, объяснишь... – начали было друзья, но он замахал руками, умоляя их замолчать.

– Выкиньте это имя из головы, парни. Меня называют Антон, и никак иначе – да и вам я тоже советую избавиться от псевдонимов. Мало ли, чье внимание могут привлечь эти древние имена...

Боги Голтоты

Когда солнечный диск, пылающий точно раскаленная медь, закатился за Холмы Нура, я вышел к перекрестку двух дорог. Здесь, под сенью непомерно разросшейся ивы, была устроена изящная беседка, внутри которой с удобством разместились несколько путешественников и бродячих торговцев. Рядом с беседкой горел костер – вокруг него тоже сидели люди. Были здесь и бродяги пустынь, укутанные в цветастые балахоны, со смуглой кожей и крючковатыми носами, и обитатели Кледа, непонятно как очутившиеся в такой дали от дома, и бородатые варвары из северных пустошей. Без лишних слов я уселся рядом с костром, привычно скрестив ноги. Знак, который я носил, давал мне право находиться здесь.

Вскоре разговор странников привлек мое внимание, и я напряг слух, силясь разобрать малознакомую речь. Похоже, среди присутствующих шел горячий спор о том, боги какого города являются самыми безжалостными.

– Истинно говорю, – твердил одетый в шелковую рубаху бродяга, профиль которого выдавал в нем выходца из Шембиса, – истинно говорю, что нет на свете богов более жестоких, чем те, что донныне правят городом Пунгар Вис! Эту историю слышал всякий, кто хоть раз пересекал Великую Пустыню. Пунгар Вис был одним из величайших городов мира, с дворцами из красного камня и фонтанами, чье звенящее пение не стихало над ним круглый год. Говорят, что неотесанные дикари, кои по стечению обстоятельств оказывались в этом городе, тут же умирали на месте от удивления, не в силах созерцать его красоту – и эти сияющие на солнце купола, и выгнутые дугой мосты, и искусственные деревья, вырезанные из красного известняка. Благословенное место! Город процветал, и жители его богатели день ото дня, но богатство взрастило в них гордость, а гордость выпестовала презрение к собственным богам, которых местные жители окрестили «нелепыми выдумками для дикарей». Они перестали воздавать молитвы и оставлять подношения на алтарях, поэтому однажды терпеливые боги не выдержали, и наслали на Пунгар Вис кару, небывалую по масштабам!

Рано утром его обитатели увидели на горизонте странную тучу, имевшую неестественно алый цвет, и к полудню туча эта достигла города и зависла над ним, в полной тишине переливаясь всеми оттенками красного и желтого. Люди в панике высыпали на улицы и обратили глаза к небесам, а мудрецы кинулись искать в научных трудах рациональное объяснение этому пугающему явлению. Затем в огненном облаке появился широкий просвет, в котором люди увидели лики своих собственных богов, чьи глаза напоминали огромные звезды. И тогда пораженные жители Пунгар Виса пали на колени и протянули руки к богам, но просвет в небесах сомкнулся, и из кошмарной тучи хлынули вниз потоки огня. То был не обычный огонь – он был жидким, точно раскаленная лава, и струился по улицам, охваченным пламенем, испепеляя людей и всё, что только могло гореть. Стихия бушевала на протяжении нескольких часов. За это время город роскоши превратился в черное пепелище с раскаленными руинами. Три четверти жителей сгинули в огне, но те, что выжили, ныне свято чтят своих богов, хотя от бывшего величия Пунгар Виса не осталось и следа.

Бродяга умолк. История была закончена, и над костром повисла тишина, которая, однако, длилась недолго.

– Действительно, всё, что ты говоришь – ужасно, – произнес выходец из Кледа, чья густая черная борода напоминала лопату, – но это событие не идет ни в какое сравнение с тем кошмаром, что наслали на Ашатахан его боги. Каждый, кто сплавлялся вниз по Янну, слышал про Ашатахан. Это был древний город, славный в прошлом, поистине славный, с величественным мраморным дворцом и каменными изваяниями тех, кто населял его до прихода людей. Ныне Ашатахан пуст, так как прогневил богов, и заслуженная кара не заставила себя долго ждать. Благословенный некогда город дал приют небывалой мерзости, ибо властители

его брали в жены собственных дочерей, и этот омерзительный обычай вскоре получил широкое распространение по всему Ашатахану, так что уже никто не видел в том стыда. Упадок нравов вызвал недовольство богов, и те послали в город пророка, но местные жители лишь осмеяли его, и потому боги пришли в ярость.

В один из дней жители Ашатахана, как всегда возлежавшие на подушках в окружении многочисленных наложниц, услышали странный гул, который пугающим эхом разносился в небесах и более всего напоминал грохот тысячи копыт. В испуге прильнув к окнам, местные жители увидели чудовищную кавалькаду призраков, спускающихся из поднебесья. И тут же каждый человек в городе понял, что разгневанные боги наслали на них их собственных предков, которые были людьми чести и на протяжении столетий возвеличивали славу Ашатахана, ныне превратившегося в прибежище порока.

Вскоре воинство мертвецов достигло земли и с ужасающими воплями пронеслось по улицам, убивая всякого, кто попадался им на пути. То было кошмарное зрелище! Скелеты-люди, верхом на лошадях-скелетах, носились по городу, уничтожая собственных потомков, опозоривших славный город своими извращениями. Лишь несколько праведников пережили тот роковой день. Когда же скелеты закончили свою кровавую жатву и вернулись в черную бездну загробного мира, мраморные улицы Ашатахана сплошь были завалены внутренностями и отрубленными частями тел. Ныне Ашатахан пуст.

Закончилась вторая история. Над костром вновь воцарилась давящая тишина. Испуганные люди, на лицах которых читались невеселые мысли о небесных карах и павших городах, пребывали в молчании, и так как никто вроде бы не собирался взять слово, я сказал:

– Позвольте и мне поведать вам одну историю. Быть может, вам не доведется услышать её больше ни от кого, ибо не многие рискуют посещать руины Голтоты Проклятой, но мне хватило храбрости это сделать, и вот что я узнал.

Развалины этого города доныне находятся в том состоянии, какое приобрели бесчисленное количество веков назад. Кажется, само время в испуге обходит это жуткое место стороной. Я вошел в город в сумерках, когда улицы его уже были затянуты голубоватым туманом, и увидел выпуклые стены домов и башен, сложенные из овального кирпича. Тамошняя архитектура является уникальной во всем мире грез, так как местная культура не признавала острых углов, и всё, что вы можете увидеть в Голтоте, имеет сглаженную форму и сплошь состоит из закругленных граней и волнистых линий. Поначалу я испытал страх, очутившись в столь странном месте, потому что глазу моему не за что было зацепиться, и взгляд блуждал от одного предмета к другому, точно соскальзывая с округлых поверхностей. Уличные фонари на извилистых ножках были круглыми – фонари эти до сих пор горят янтарным колдовским огнем, в незапамятные времена зажженным искусными магами Голтоты.

Всякий слышал, что пределы города охраняются кровожадными волками-призраками, чьи пасти несут неминуемую гибель незванным гостям. Воистину, это так. Лишь знак Древних, который я ношу, позволил мне выйти оттуда живым.

Я долго бродил по улицам из голубого мрамора, которые были вымощены округлым булыжником, и лишь мои шаги да редкие завывания волков нарушали тысячелетнюю тишину. Многие дома сохранились в почти нетронutom состоянии. Я с интересом заглядывал в круглые окна, силясь рассмотреть хоть что-нибудь в непроглядной черноте внутренних помещений. Безусловно, Голтота была мертва – сам дух города умер, растворившись в небытии вместе со всеми своими жителями. Такой город уже невозможно отстроить заново, и лучшее, что может сделать случайный путник – это обойти его стороной.

Уцелевшие постройки напоминали груды черепов с круглыми глазницами окон, через которые смотрела из тьмы пыльная старина. Как ни странно, я не видел на улицах останков людей. Я был напуган, но интерес мой оказался сильнее, чем страх перед неизвестным древним

проклятием, поэтому я шел и шел вперед, пока не наткнулся на одинокого фосфоресцирующего призрака, в молчании висевшего над мостовой.

– Расскажи мне о гибели Голтоты, – попросил я, снедаемый любопытством.

– Всякий знает, что на славную Голтоту снизошло проклятие богов, – ответило привидение, – а было это так. В праздник Поворота Колеса, когда местные жители дружно выходили на улицы и устраивали яркое карнавальное шествие, над главным храмом города взвился синий столб холодного огня, а затем из окон и дверей храма хлынули клубы колючего ледяного тумана, и всякий человек, который оказывался достигнут этим явлением, растворялся в нем без следа. Так город опустел, и таково было проклятие богов.

– Но почему?! – воскликнул я. – Почему боги сделали это?! Какое кошмарное преступление должны были совершить жители Голтоты, чтобы навлечь на себя подобную кару?

– Никакого. Не солжет тот, кто скажет, что Голтота была самым чистым и непорочным городом на земле. Мир и покой царили в ее пределах, ее обитатели не творили зла и свято чтители небесные законы. И потому богам нашим некуда было приложить свою силу, ибо всё уже было благоустроено, и никаких преступлений мы не допускали. Некому было помогать, и некого было наказывать. Из-за этого наши небесные покровители предались неизбывной скуке, а праздные боги порою бывают страшнее, чем боги разгневанные...

Это был конец моей истории. Закончив её, я поднялся и пошел прочь от костра и застывших в молчании людей. Лишь кто-то у меня за спиной шепотом произнес:

– Воистину, боги Голтоты самые безжалостные из всех.

Помещик Шишигин купил слона

И рассказывать-то не о чем, срам один... Помещик Шишигин купил слона. Черт знает, что на него нашло – взял и купил. Иногда в жизни сереньких, неприметненьких людей такое случается. Внезапный порыв, непредвиденный поступок, и тут уж в результате – либо подвиг, либо преступление. С Шишигиным, правда, ничего такого не произошло, но позора бедолага натерпеться успел. Когда странная мысль закралась в его лысоватую голову, с которой уныло свисали бесцветные остатки былых кудрей, Шишигиным овладел восторг, пьянящая радость, волна дикого разгула, когда и царь не указ. Это уж потом внутренний голос начал нудеть, как мартышка из басни: «К чему оно, такая вещь пустая?» Ну, слон, положим, никакая не вещь, а тварь, сродни корове или собаке, но вот какую с него взять пользу? Шишигин так уж привык – чтобы польза была. Не даром же помещик.

Слона привязали во дворе на веревку. С виду животного напоминала чайник – у него были выпуклые покатые бока и длинный изогнутый нос. Дворовые поначалу пугались, обходили слона стороной. Потом пообвыкли. Демьян, конюх-удалец, оказался смелее прочих, и даже начал озорничать. Подбежит, стало быть, да ткнет слону под хвост зажженной лучиной – все в смех, только знай покатываются. Зверь, правда, грубого крестьянского юмора не оценил. Когда в очередной раз Демьян задумал повторить свою искрометную репризу, снискавшую ему популярность у дворовой челяди, слон подгадал момент и пнул обидчика своей огромной колонноподобной ногой. Конюх оторвался от земли, описал в воздухе живописную дугу, перелетел через дрожки и ткнулся мордой в кучу лошадиного помета. От этого смех на дворе зазвучал только звонче.

Вечером заглянул поручик Лисицкий. Осматривая слона, он крутил свой гусарский ус и с восторгом повторял:

– Здоррровый, шельма!

– Пожалуй, что и так, – робко соглашался Шишигин, ощущая что-то вроде гордости за своего питомца. Ведь слон и впрямь был «здоррровый».

Весь вечер Лисицкий буянил, опорожняя бесконечные бутылки вина из шишигинских погребов, бегал за прислугой, спустив портки, и в итоге забылся сном прямо на ломберном столе. Беспокоить его не стали. Наутро посмотреть на слона заглянул поэт Краснов. Его безумные глаза пылали, как два костра, когда он жадно озирали заморское чудище. Потом веско сказал:

– Удивительное дело, как это огромное, серое существо удачно вписывается в панораму нашей огромной, серой страны. У вас поистине декадентский вкус, Шишигин! Не ожидал от вас такой тонкости, такой глубины!

– Да прям уж... – зарделся помещик, отмахиваясь пухлой ладошкой. Он не знал, что такое «декадентский», но из уст поэта странное угловатое слово прозвучало как комплимент.

Вскоре прикатила бричка, доставившая с соседней усадьбы купца Померанцева и его чахоточную жену. С ними же прибыл доктор Шаляев – тоже, стало быть, поглазеть на слона. Госпожа Померанцева долго удивлялась, заламывала руки, пыталась упасть в обморок. Поэт Краснов все еще в экстазе бродил кругами вокруг животного. На крыльце показался проспавшийся Лисицкий с бутылкой в руках.

– Но какое же имя вы дали этой зверюге? – цокая языком, полюбопытствовал Померанцев, поддерживающий супругу.

– Я думал, может Пантелеймоном назвать... – робко ответил Шишигин.

Краснов вскричал:

– Гениально! Гениально! Слон – Пантелеймон, потрясающее сочетание звуков, нектар для ушей! Какая муза нашептала вам это имя, признавайтесь?

Помещик еще сильнее покраснел, круглая его физиономия зарделась, как перезрелый плод. Тут доктор заметил:

– Да зачем же ему имя? Слон и есть слон. Всякое имя дается лишь для того, чтобы выделить сущность из толпы однородных сущностей. Ежели Шишигин позовет слона, вы что думаете, на его зов прибежит какой-то другой, чужой слон? Сколько их, по-вашему, в нашей губернии?

– В самом деле, – безвольно согласился помещик, – слон и есть слон. Он тут один такой, я уточнял...

Внезапно к ним подбежал Лисицкий, на дне мутных глаз которого светилась ярость, и со всей своей солдафонской силищей ткнул Шалаяву кнутом в ухо.

– У-у, каналья! – ревел поручик, остервенело пиная поверженное интеллигентское тельце. – Сегодня он слона называет слоном, а завтра, чего доброго, царя предаст!

Успокоился Лисицкий так же внезапно, как и разбушевался. Слуги увели его и вручили откупоренную бутылку вина; постанывающего доктора погрузили в бричку и повезли в город – стало быть, к другому доктору. Охваченный внезапным приступом вдохновения Краснов выпил на веранде чашку кофе, а потом выпрыгнул в окно и помчался прочь через кусты. Послышался грохот обвалившейся поленицы, гогот гусей. Шишигин, впрочем, давно привык к странностям поэта. Кутаясь в старый махровый халат, он уселся у печки и просидел там до тех пор, пока не нагрянула новая партия гостей. Среди них была Софья Филипповна, дочь купца Полудурова, вместе со своим батенькой. К Софье помещик Шишигин питал романтический интерес, поэтому в ее присутствии не мог вымолвить ни слова. Пошли смотреть слона.

– Что же он у вас такой... Облезлый будто, – разочарованно протянула Софья. Ее слова больно укололи помещика в самое уязвимое его место – в самолюбие. От недавней гордости не осталось и следа. Он взглянул на животину новыми глазами, и действительно убедился, что толстая складчатая шкура была истертой, покрытой пятнами, царапинами, какими-то волдырями, а левый бивень и вовсе обломан. «Ох уж этот балаганщик Удавкин, – посетовал сам себе Шишигин, – подсунул мне какого-то залежалого слона! А платил-то я как за нового!»

В тот вечер помещик сильно пил – впервые за всю свою затворническую жизнь. Благо, под боком оказался такой идеальный собутыльник, как Лисицкий. Пили долго, с надрывом, как в последний раз. Лисицкий травил бесконечные байки о своих разудалых похождениях и спьяну даже стрелял из пистолета в собственного денщика (по счастливой случайности, смертоубийственное орудие дало осечку).

Потом, пошатываясь, помещик добрался до своего кабинета, мешком повалился за стол и принялся писать письмо Удакину, укоряя его за некачественный товар и понося на все лады. Один раз даже обозвал балаганщика «паскудой», но потом испугался собственной дерзости и вымарал это оскорбительное словечко. Там же и заснул, за столом.

На следующий день пришел Краснов. Лицо у него было расцарапанное, но вдохновенное. Читал свою новую оду – называлась она «К слону». Начиналась ода словами: «О ты, чей вес не счесть в пудах, чьи бивни всем внушают страх, и хобот чей трубит впотьмах...» Шишигин хлопал что было мочи, так что нежная кожа помещичьих ладошек вздулась пузырями. Потом долго размышлял, как бы ему скрасить недостатки старого неприглядного слона – все эти пятна и потертости – и вдруг хлопнул себя по круглому лбу и решил скрасить их в прямом смысле слова. Позвал из города двух маляров.

– Вот что, голубчики, – поучал он вскоре прибывших работников, – распишите-ка мне этого слона под хохлому... Или под палех, ну не мне вас учить... Чтобы цветочки, позолота чтоб... Красота, одним словом.

История умалчивает, ошалели от этой просьбы красильщики или нет. Впрочем, работу свою они выполнили на совесть. Шкура слона заиграла новыми красками, и сам он, расписан-

ный в традициях народного творчества, стал выглядеть более русским, народным, что ли... Сразу теперь было видно, что нашинский это зверь, среднерусский, исконный.

Когда снова приехали Софья Филипповна с батенькой, Шишигин с гордостью повел их смотреть обновленного слона. Сам он улыбался, строил предположения – что-то теперь скажет его ненаглядная? Наверняка, придет в восторг. Не зря же он пять целковых отдал мастерам!

И Софья, и сам Полудуров при взгляде на расписного слона хохотали так, что пришлось рукавами слезы утирать. А тут еще начал накрапывать дождь, и краска ручейками потекла по слоновьим бокам. Это было фиаско, крах полнейший и безысходнейший. Шишигина терзало мучительное ощущение, что смеются над ним самим. В тот вечер – да и всю последующую неделю – он пил в компании Лисицкого и Краснова. Изредка комки мыслей в его голове слипались в нечто связанное, и выглядело оно примерно так: «Сдался мне этот слон, ах дурак я, дурак! Зачем слон, почему слон? Кто объяснит? Огромный, гад, топчет по двору, порою среди ночи трубит... А Удавкин там потешается поди, кутит на мои деньги... Нашел же дурака, подлец!»

Как и было сказано, попойка в доме помещика растянулась на целую неделю. Все это время к процессу присоединялись все новые лица, так что в комнатах сталолюдно и дымно. Снаружи, между тем, похолодало; прошел первый снегопад, залепил стекла мокрым снегом... Слон бродил один по белому заснеженному двору и сам весь был белый, прядал ушами, стряхивая с них неведомую ему холодную массу. В один их вечеров Шишигин по пьяной лавочке продул все наличные деньги купцу Шельмакову, а потом поставил на кон слона, лелея надежду отыграться. Не отыгрался. Слон сменил хозяина. При этом Шишигин вдруг ощутил странное блаженство, небывалую легкость, и понял вдруг, что пора бы ему завязывать с выпивкой – иными словами, помещик снова сделался самим собой, вырвался из того мутного состояния, в которое его погрузило обладание заморским чудищем.

За окном было совсем темно, густо валил снег. Купец Шельмаков, пошатываясь, вышел на двор, чтобы полюбоваться своим новоприобретенным имуществом, однако, как выяснилось, слон оборвал веревку и убежал. Он проломил изгородь своим массивным телом и канул в поля, в темноту, в лиховерть ошалелой холодной метели, негодуя трубя и размахивая ушами, похожими на печные заслонки. Метель скрыла все следы, и никто не знает, куда он делся потом.

Одним словом, глупая история. Ясно же было, ни к чему помещику слон.

Астероид дьявола

Размеренный писк приборов вывел Мортимера из оцепенения – он поднял усталое, покрытое бисеринками пота лицо и обратил взгляд на экран. С экрана на него смотрел дьявол. Мортимер болезненно напрягся. Тугой ком подкатил к горлу, сухие бледные губы раскрылись. Он едва не вскрикнул от ужаса, но тут же расслабился, осознав свою ошибку.

Тесное помещение капитанского мостика освещали лишь ритмичные вспышки разноцветных лампочек, покрывавших собою панели и матовые бока многочисленных приборов. Мортимер провел рукой по лицу, улыбнувшись самыми уголками губ. Конечно, отнюдь не дьявольскую физиономию демонстрировал ему выпуклый монитор – это был всего лишь небольшой астероид, медленно вращающийся на фоне космической черноты. Сходство было мимолетным. Пара клиновидных горных пиков показалась ученому короткими рогами, нависающими над покатым лбом, понижения рельефа, затопленные густой тьмой, напомнили провалы глазниц и узких ноздрей. Была там и кривая расселина, формой напоминающая оскаленную пасть...

Мортимер подумал, что в последние часы стал чересчур впечатлительным. Тем временем небесное тело на экране повернулось другим боком, и тени на его поверхности изменили свою форму. Всяческое сходство с ликом дьявола исчезло. Наблюдая за происходящими изменениями, Мортимер облегченно вздохнул.

Вскоре под потолком ярко вспыхнули шарообразные лампы, разогнавшие сонную полутьму. Потягиваясь, в дверях показалась широкоплечая фигура капитана Волгина.

– Надо же, – подивился он, падая в кресло, – датчики фиксируют на этом булыжнике остатки органической жизни.

Мортимер досадливо сжал зубы и бегло просмотрел показания компьютера. Действительно, ведь именно писк сканеров и вывел его из оцепенения. Это был сигнал, извещающий о наличии жизни – высокая нота, режущая слух подобно ржавой пиле.

– Астероид МХ-12.073, – Волгин задумчиво потер подбородок, откидываясь на спинку кресла, – открыт лет десять назад. Толком еще не исследован. Придется тебе этим заняться, Морт.

Последние слова заставили ученого напрячься, как будто его укололи сосулькой в самое сердце.

– К черту, Сергей, – он выдавил из себя улыбку, – жизнь на подобном куске скалы существовать не может. Наверняка опять ложная тревога, ты же знаешь, как это бывает – несколько миллионов лет назад астероид был частью планеты, на которой существовали какие-нибудь примитивные червяки, и потому в его состав до сих пор входят ископаемые породы с останками древней органики... Право, не стоит нам время тратить на подобную ерунду.

Волгин недоуменно взглянул ему в лицо.

– Предлагаешь нарушить Кодекс? Пункт 7.14 ясно гласит, что любые признаки жизни должны быть исследованы вне зависимости...

– Хорошо, хорошо, – Мортимер отмахнулся и встал с кресла. Он ощутил, как его внутренности медленно охватывает холодный огонь, и понял, что это был страх.

– Это ведь обычное дело, Морт, – Волгин отвернулся, без всякого интереса рассматривая астероид, – рутина. Занудно, я понимаю. Но не можем же мы наплевать на Кодекс! Прогулка в оба конца вряд ли займет у тебя больше часа.

– Уверен, что так, – поддакнул Мортимер, покидая мостик. Действительно, сказал он себе, самая обычная рутина. Прокатиться в одноместном челноке до поверхности красной скалы, взять пробы грунта, зафиксировать показания приборов... Мортимер, опытный космо-

биолог, совершал подобные вылазки не раз и не два. Так почему же теперь сердце его покрылось колючим инеем ужаса?

Лина Стакс, экспедиционный астроном, как раз собиралась разливать кофе по чашкам, когда в кубрике появился Волгин. Дверь с шипением опустилась у него за спиной.

– Я немного волнуюсь за Морта, – проронил он задумчиво.

– Почему?

Усевшись за столик, капитан побарабанил пальцами по металлической поверхности. Лина пододвинула к нему чашку с дымящимся напитком.

– Сложно сказать... В последнее время он какой-то дерганый. Кажется, даже похудел немного. Я взял на себя труд понаблюдать за ним, и заметил, что в библиотеке он часами напролет просиживает, уткнувшись в одну и ту же книгу. Знаешь, как она называется?

– Понятия не имею, – женщина повела тоненькими плечами. – Полагаю, очередная монография по биологии?

– В том-то и дело, что нет. Он читает Библию. Слышала о ней?

– Не уверена... Кажется, нет.

– Оно и не удивительно. В наше время не многие забивают себе голову религиозной чепухой. Однако еще пару столетий назад название этой книги было у всех на устах. По правде сказать, с точки зрения современного человека она ужасна. Повествует о таких вещах, как братоубийство, инцест, ксенофобия, геноцид... Кроме того, в ней содержатся призывы к истреблению всякого, кто не придерживается постулатов этой страшной религии, во имя некоего вымышленного существа, якобы обитающего в верхних слоях земной атмосферы.

– Какой ужас! – Испуг Лины выглядел неподдельным. – Неужели Мортимера занимают столь извращенные вещи?!

– Выходит, что так. Должно быть, это все от безделья – в последнее время работы у него не много. И нет ничего удивительного, что после чтения такой ужасной книги он сделался слегка нервным.

– Так может, зря ты его на астероид отправил? – женщина бросила взгляд в иллюминатор, и успела заметить проплывающий мимо челнок космобиолога.

– Не думаю. В этой вылазке нет ничего сложного. Уверен, как только Морт займется своими прямыми обязанностями, все мрачные сказки мигом выветрятся из его головы.

Охваченный паникой, он наблюдал, как неровный красный овал астероида приближается, увеличиваясь в размерах. Мортимер облачился в скафандр и внимательно проверил его герметичность – все было в порядке. Забегал пальцами по крупным светящимся клавишам, задавая координаты посадки. Ровное плато между двумя скалистыми вершинами идеально подходило для его целей. Содрогнувшись, мужчина почувствовал себя мухой, которая собирается опуститься на лоб к великану.

Посадочные шасси мягко ткнулись в грунт. Гудение тормозных двигателей сошло на нет, однако на протяжении еще нескольких минут Мортимер с тоской вслушивался в размеренное треньканье остывающего металла. Ужас душил его, как будто невидимые холодные пальцы беспрепятственно миновали скафандр и впились в незащитную шею. Лампочки сканера навязчиво подмигивали, напоминая о наличии органических соединений на этом крошечном куске скалы. Кстати говоря, компьютер известил ученого еще об одном сюрпризе: на астероиде имела место некая гравитационная аномалия, благодаря которой притяжение оказалось неожиданно высоким. Почти три четверти земного. Очень странно.

Палец ткнул в кнопку разгерметизации. Одна из панелей с узким иллюминатором ушла вверх, открывая путь в неведомое. За ней виднелась красноватая плоская поверхность, окаймленная зубчатым нагромождением скал. Чернота неба, казалось, нависала прямо над головой,

астероид напоминал крошечную алую песчинку, увязшую в бескрайнем море дегтя. Подхватив ящик с инструментами, Мортимер решительно шагнул наружу.

Нога в тяжелом ботинке по щиколотку ушла в пыль. Отойдя на несколько шагов от челнока, Мортимер обратил взгляд к небесам – высоко над головой он увидел веретенообразный силуэт звездолета, покинутого им минут пятнадцать назад. Возможно, некоторые члены экипажа именно сейчас прильнули к иллюминаторам, наблюдая за действиями Мортимера.

Он внимательно осмотрел поверхность астероида. Это была пористая скальная порода, окраска которой варьировалась от бледно-розового цвета, напоминающего первые закатные краски, до пугающе-темного багрянца пролитой крови. Распахнув металлический ящичек, космобиолог извлек из него бур и привычным движением проделал отверстие в грунте у себя под ногами. Потом нагнулся за спектральным анализатором – и в тот же миг застыл, краем глаза уловив легкое движение между скал. Он поднял голову, замер, всматриваясь в том направлении. Тень, которую отбрасывала высокая выщербленная скала, была непроглядно-черной, как воды Стикса, однако Мортимер мог поклясться, что среди нагроможденных там валунов мелькнул некий неясный силуэт.

Оставив свои инструменты, космобиолог направился к скале, каждым своим шагом вздымая клубящееся облачко пыли. Он миновал уже большую часть равнинной поверхности, освещенной неярким светом ближайшего солнца, когда движение повторилось. Тело, форму которого он не успел определить, шмыгнуло в видневшуюся среди камней узкую расселину. Мортимер шагал, как загипнотизированный. А достигнув расселины, увидел сбегаящие вниз древние ступени, вырубленные в камне.

Ужас раскаленными крючьями полоснул по сердцу. Кто мог вырубить ступени на столь крошечном и совершенно непригодном для жизни астероиде? Не иначе, перед ним обычное нагромождение обнажившихся скальных пластов. Он почти сумел убедить себя в этом, но зрелище, открывшееся глазам ученого после того, как он спустился по ступеням вниз, разрушило сию нехитрую догадку.

Стены расселины были покрыты искусно вырезанными барельефами. Космобиолог замер, пораженный внезапным открытием. Проведя ладонью по резным фигурам, он убедился, что глаза его не подводят. Более того, на барельефах были изображены человеческие существа!

Это уже не влезало ни в какие рамки. Человечество давно переросло наивные представления о том, что где-то во вселенной могут существовать иные антропоморфные создания. Жизнь не имела склонности к самоповторам. Те представители звездных рас, с которыми земляне успели познакомиться на данный момент, внешне не имели ничего общего с людьми – будь то летающие полипы из созвездия Скорпиона, или ступенчатые пирамиды живой плоти с Альдебарана. Иначе говоря, если Мортимер действительно видел перед собой изображения людей (в чем у него не было повода усомниться), значит, речь шла именно о землянах. Он судорожно сглотнул – ведь Солнечная система осталась в нескольких парсеках у них за спиной! С точки зрения логики объяснить наличие загадочных барельефов на затерянной в космосе скале было решительно невозможно.

Пораженный самым фактом открывшегося зрелища, Мортимер не сразу обратил внимание, что расположенные цепочкой барельефы повествуют некую связную историю. На первом из них красовался грозный лик, обрамленный длинными вьющимися волосами, вокруг которого вились маленькие крылатые существа. Второй рисунок был покрыт многочисленными сколами, но на его поверхности все же можно было различить фигуры мужчины и женщины, за спинами которых вставляли тесные ряды деревьев.

Сделав несколько шагов вдоль стены, Мортимер всмотрелся в третье изображение. Ученый различил на нем дерево, покрытое многочисленными круглыми плодами и окруженное сияющим ореолом. У самых корней ствол тугими кольцами обвивал огромный змей, из пасти которого свешивался длинный раздвоенный язык. В голове Мортимера возникли некие ассо-

циации, пока еще призрачно-туманные и едва уловимые, но стоило взгляду упасть на следующий барельеф, как все сомнения рассеялись.

Рисунок изображал все то же дерево, рядом с которым теперь стояли уже знакомые ученому мужчина и женщина. Женщина протягивала своему спутнику только что сорванный с ветки плод. Рядом с ней из травы поднималась треугольная змеиная голова.

Все это было Мортимеру уже знакомо, знакомо до боли, ибо запечатленная в камне сцена в точности повторяла один из эпизодов зловещей книги, которую он изучал в последнее время. Библия. Он прочел ее от корки до корки. Поначалу интерес космобиолога был исключительно праздным, но постепенно дикая история полностью захватила его воображение. И теперь здесь, на маленьком астероиде, подобно неприкаянной душе блуждающем в черной густоте вселенной, он видел перед собой все тот же сюжет!

Впервые в жизни Мортимер осознал, что логика бессильна перед лицом открывшейся тайны. Он видел то, чего не могло существовать в природе, то, что бросало вызов самому здравому смыслу, всему человеческому опыту, накопленному за столетия освоения космоса. Религия торжествовала над наукой, безумие над разумом.

Мортимер от всей души пожелал оказаться сейчас где-нибудь на другом конце галактики, лишь бы не видеть перед собой проклятых барельефов. Тем не менее, долг ученого требовал довести исследование до конца. Расселина упиралась в гладко отшлифованную стену все того же красного камня, в котором был прорублен низкий прямоугольный проход. Внутри царил крошечный мрак.

Включив фонарь на шлеме, Мортимер пригнулся и шагнул в тесный коридор, пол которого начинал плавно понижаться в нескольких шагах от входа. Мысль о естественном происхождении коридора можно было сразу отбросить – пол и стены имели идеально ровную поверхность, кое-где сохранив даже следы кирки. Луч фонаря испуганной птицей блуждал от стены к стене, пока Мортимер спускался в недра астероида. Вскоре впереди забрезжил свет, зеленоватый и мутный, как сияние урановых лун.

Тяжело дыша под тяжестью давящего страха, космобиолог вышел в округлую пещеру с куполообразным потолком, и картина, открывшаяся там его взгляду, превзошла самые дикие фантазии.

В центре пещеры Мортимер увидел дерево. Ствол растения был гладким и идеально прямым, длинные тонкие ветви торчали почти вертикально вверх. Их покрывали мелкие ланцетовидные листья, светящиеся фосфорическим огнем. Формой и блеском они напоминали собой мириады кошачьих глаз. Вокруг дерева разливалось дрожащее бледно-зеленое свечение. На ветвях во множестве висели округлые плоды с блестящей, матово мерцающей кожурой.

Рядом с деревом стояла обнаженная женщина. Ее пухлые губы застыли в усмешке, большие темные глаза были полуприкрыты, словно веки с трудом удерживали тяжесть длинных густых ресниц. Черные волосы рассыпались по плечам. Мортимер понял, что именно ее силуэт он видел в тени между скал.

Он почувствовал, как незримые присоски ужаса жадно впиваются в мозг, выкачивая из него здравый смысл. Едва найдя в себе силы, ученый бросил взгляд на наручный компьютер, закрепленный на запястье. Если верить прибору, какая-либо атмосфера в пещере полностью отсутствовала, как того и следовало бы ожидать. Тем не менее, дерево и женщина были здесь. При желании Мортимер мог бы коснуться их рукой. Но такого желания у него не возникло.

Ноги словно окаменели, не позволяя сделать ни шагу с места. Охваченный все возрастающей паникой, Мортимер наблюдал, как женщина вытягивает свою тонкую руку и срывает с ветки один из зеленых, налитых соком плодов. Плод словно пульсирует на ее ладони, изысканной и белой, как слоновая кость. Женщина делает шаг в его сторону, улыбается обворожительной улыбкой. Ученый ощущает, что эта улыбка как будто пьянит его, мысли в голове начинают путаться и слипаться в бесформенный ком. Возникает желание принять зловещий

плод и попробовать его на вкус. Это необоримое желание напоминает жажду, оно сушит горло и околдовывает разум. Сопротивляться невозможно. Женщина уже рядом, ее грудь бурно вздымается, несмотря на отсутствие атмосферы. Их ладони соприкасаются. И вот уже плод, напоминающий маленькое бьющееся сердце, зажат в кулаке. Чудовищная жажда вытеснила из головы все мысли. Все, кроме одной – пронзить зубами тонкую кожуру, ощутить, как терпкая влага щекочет язык...

Мортимер понимал, что его желание не воплотится в жизнь, пока на нем этот проклятый шлем. Чтобы надкусить плод, нужно приподнять забрало. В каком-то отдаленном уголке сознания едва заметной звездочкой вспыхнула мысль – ты в вакууме, кислород в пещере отсутствует! Снять шлем, приподнять забрало – равносильно смерти! Но ведь эта женщина дышит? Проклятое дерево живет и плодоносит, значит и он сможет дышать! Законы природы не властны в этом волшебном месте. Плод сияет на его ладони, испуская переливчатые зеленые лучи. Плод как будто обжигает его, несмотря на перчатку скафандра – обжигает скорее душу, нежели тело. Сопротивляться невозможно... Да и зачем? Разве эта женщина с чистым одухотворенным лицом может желать ему зла?

Сухие губы Мортимера горели огнем, зрение расфокусировалось, из-за чего пещера поплыла у него перед глазами. Казалось, сумбурные мысли перекатываются в его голове, как чугунные шарики на дне пустой коробки. Пальцы нашли застежку шлема и спешно нажали на нее – в тот же миг забрало поднялось, выпуская во внешнее пространство дрожащий пузырь воздуха...

Когда космобиолог не вернулся на корабль через час, капитан начал бить тревогу. Он попытался связаться с челноком, но ответа не получил. Тогда к астероиду отправились техник Шивер и экспедиционный физик Радж. Они, разумеется, воспользовались запасным челноком. Пока Волгин напряженно следил за их отлетом сквозь выпуклый круг иллюминатора, он явственно ощущал на своей спине обвиняющий взгляд Лины. «Зачем, зачем ты отпустил его одного, если видел, что Мортимер не в себе?» Волгин и сам уже пожалел о своем приказе, но ведь не могли же они послушаться Кодекса?!

Через некоторое время вернулась спасательная экспедиция. По их лицам Волгин сразу понял, что хороших новостей можно не ждать. Действительно, они нашли Мортимера, однако тот был мертв. Шивер рассказал, что от челнока цепочка следов уводила к неглубокой расщелине, в конце которой виднелся вход в подземелье. Они прошли по темному тоннелю и вышли в пещеру, где и обнаружили труп космобиолога. Относительно того, чем была вызвана смерть, вопросов у спасателей не возникло – по какой-то неведомой причине Мортимер стащил с себя шлем. Пещера, в которой его обнаружили, была совершенно пуста, и спасатели не знали, зачем он вообще туда забрался.

Стиснув зубы, Волгин смотрел на тело погибшего товарища, в какой-то степени ощущая себя виновным в его смерти. Впрочем, главная вина лежала на зловещей книге, к коей так привязался Мортимер. Должно быть, мрачные древние образы погрузили ученого в депрессию, которая со временем вылилась в этот бессмысленный акт суицида...

Картина происшествия казалась капитану очевидной лишь до того момента, когда они разжали правую руку Мортимера и обнаружили на его ладони маленький зеленоватый плод диковинного вида, излучающий еле заметное сияние. Откуда он появился, так никто и не узнал.

Могильные гоблины

Состояние, в котором я пребывал в те дни, никак нельзя было назвать нормальным, но причиной затяжной депрессии явилась отнюдь не смерть сестры. Все началось намного раньше, с долгой череды творческих неудач. Построить музыкальную карьеру оказалось сложнее, чем я предполагал, так как, несмотря на все усилия, вкладываемые мною в процесс сочинительства, фанфары не спешили вострубить о моем успехе. Слава, о которой я безостановочно грезил на протяжении двух долгих лет, оставалась столь же далекой, как и в самом начале пути, словно тающий мираж на горизонте. Мне никак не удавалось ухватить переменчивые интересы массового слушателя. Стало ясно, что незамысловатая популярная музыка – явление далеко не столь примитивное, каковым его многие почитают, и это открытие для меня самого явилось подлинным откровением. Раздавленный неудачами, я предавался невеселым размышлениям о будущем, периодически уходя в запой. А потом погибла моя Клара. Трагическую новость донес до меня дядя, ныне единственный родственник, оставшийся у меня в этом мире. Дядя всегда и обо всем узнавал самым первым, несмотря на то, что на тот момент находился вовсе не в Починске, где проживала Клара. Поэтому опознавать тело пришлось мне.

Признаюсь, я до последнего момента не мог поверить, что моя сестра мертва. До того самого момента, как рука в белой перчатке отдернула в сторону белоснежное покрывало, и я увидел под ним знакомое лицо.

Сложно описать чувства, овладевшие мною в тот миг. Должно быть, на свете нет ничего ужаснее, чем стоять рядом со столом, на котором распростерто мертвое тело близкого человека. Смерть Клары была вдвойне чудовищна из-за своей нелепости – случайная смерть под колесами поезда. Ее тело оказалось перерезано пополам, правую руку оторвало, а большая часть мозга вытекла из трещины в расколотом черепе... Никто не знал, как это произошло, и почему она вообще оказалась на рельсах. Люди в форме всерьез обсуждали возможность самоубийства, ведь они просто не знали, насколько жизнерадостным человеком была моя сестра. Долгое время оставалось неясным и то, какой именно поезд отправил ее в лучший мир. Машинист ничего не заметил, и тело на рельсах обнаружили лишь случайные прохожие несколько часов спустя.

Конечно, доктора постарались сделать все возможное, чтобы вернуть телу Клары ее былую красоту. Увы, эта задача оказалась невыполнимой – все равно что пытаться собрать внятную картинку из деталей совершенно разных пазлов. Когда я увидел на столе эту невесту Франкенштейна с лицом любимой сестренки, то едва не слетел с катушек. Вернее, слетел, но не надолго. Три дня меня продержали в местной клинике, пичкая успокоительным, хоть эти три дня и показались мне вечностью. Это событие, понимаете ли, стало той кульминацией, к которой все шло на протяжении долгих месяцев.

Тело сестренки предали земле на старом починском кладбище, рядом с телами наших родителей – вовремя подоспевший дядя обустроил обряд последнего прощания по высшему классу, и я искренне сокрушался, что не смог присутствовать на похоронах. Поэтому, как только покинул стены больницы, первым делом решил навеститься на могилу Клары. Правда, врачи не советовали этого делать – они требовали подождать немного, пока последствия депрессии сойдут на нет. Разумеется, на их советы я наплевал. Наверное, у этих врачей никогда не было сестер, или, по крайней мере, их сестры никогда не погибали под колесами скорого поезда.

Починск я не посещал уже года два, а то и больше. Пока сутки напролет терзал клавиши старого синтезатора в своей импровизированной студии, на тоску по дому просто не оставалось времени. Да, по правде сказать, в родном городе за прошедшие годы ничего и не изменилось. Если уж быть совсем откровенным, то следует признать, что Починск крайне слабо

отзывается на веяния времени. Город по-прежнему дышал атмосферой старины, и, казалось, почти не изменился с тех самых пор, как был основан поляками в отдаленные времена их владычества на смоленской земле.

Старое католическое кладбище пару столетий назад располагалось на самом краю города, вытянувшись вдоль заболоченной низины. С тех пор Починск здорово разросся и поглотил старинный некрополь, после чего болото осушили. Тут до сих пор можно было обнаружить могилы самых первых польских поселенцев, в том числе роскошные, хоть и здорово обветшавшие склепы аристократических семей. Они, как правило, строились на холмистых взгорках, вечерами зловеще вырисовываясь на фоне закатного неба, в то время как людей менее знатных хоронили в низинах, частенько заливаемых водой. Сейчас могилы уже заплотнили местность, когда-то занятую смрадной труднопроходимой топью.

Я вступил на территорию некрополя в полдень, миновав распахнутые кованые ворота, покрытые толстым слоем ржавчины. День был солнечный и ясный, так что унылые ряды могил не могли вызвать во мне никаких эмоций, кроме скуки. Я был спокоен, несмотря на тяжкий груз тоски.

На кладбище было безлюдно, лишь пару раз навстречу мне попадались рыдающие старушки, скорбящие вдовы и им подобный контингент. В руках я нервно мямлю букетик цветов. Это были белые лилии – при жизни Клара их просто обожала. «Запах из детства», – всякий раз говорила она, вдыхая аромат этих цветов. Никогда не понимал, что она имеет в виду.

Хаотическое расположение могил поначалу заставило меня поплутать. Все надгробия казались на одно лицо – серые крошащиеся плиты, покрытые прихотливыми узорами трещин, безвкусные статуи, изображающие скорбящих дев. Свернув за очередной склеп, я едва не столкнулся с женщиной в черном. На ней был надет изящный короткий плащ и шляпка с вуалью. На мгновение глубокие черные глаза незнакомки полыхнули яростью, так что я решил, что с губ ее вот-вот сорвется богохульное проклятье – однако она совладала с собой. И все же у меня возникло ощущение, что есть в этой даме нечто порочное, недоброе, какая-то внутренняя затаенная угроза.

– Прошу прощения, – буркнул я и зашагал своей дорогой. Пока не свернул за очередной склеп, явственно ощущал на себе ее тяжелый взгляд. «Чертова ведьма», – подумалось мне тогда. Я и не представлял, насколько пророческой была эта мысль!

В конце концов, я совсем отчаялся отыскать путь в бесконечной круговерти ветхих надгробий – да уж, никогда раньше не баловал я мертвых своим вниманием! На часах была уже половина второго, когда я задумчиво застыл на одном из перекрестков, старательно пытаюсь напрячь память. Это кладбище я в последний раз посещал лет десять назад, когда похоронили родителей, и я совершенно ничего не помнил о том, где находятся их могилы.

– Ищите кого-нибудь, господин? – раздалось вдруг за спиной. Я буквально подскочил на месте и едва не выронил букет. Позади меня, локтем опершись на надгробие, стоял простоватого вида малый в испачканной землею одежде. На вид ему было около сорока, угловатое рябое лицо обрамляли клочья рыжих бакенбард. На голове красовалось бесформенное кепи с надломленным козырьком. Очевидно, это был смотритель кладбища.

Я назвал имена своих родителей и пояснил, что рядом с ними несколько дней назад предали земле мою сестру Клару.

– Там, – грязный заскорузлый палец указал в сторону дорожки, уводящей на запад, – спуститесь по вырубленным в грунте ступенькам, а оттуда, значит, направо.

Я поблагодарил смотрителя и устремился в указанном направлении, действительно вспомнив, что путь к могилам родителей ведет вниз по лестнице, прорезанной в крутом склоне холма. Вскоре я достиг ее, и увидел сбегавшие вниз ступени, укрепленные вкопанными досками. Теперь заблудиться было уже невозможно.

Не стану описывать, что я пережил и как вел себя у могилы сестры – не желаю вспоминать об этом, потому что у меня снова случился небольшой срыв. По дороге к кладбищу я пребывал в твердой уверенности, что сумею совладать с нервами – так хотелось верить в силу собственной воли! – но увы, в нашем мире не бывает чудес. События последних дней слишком сильно ранили мою душу.

Обратный путь я отправился, когда солнце уже начинало клониться к горизонту. В красном закатном свете некрополь миглом приобрел зловещий и таинственный вид, как будто затаившееся зло продемонстрировало свой оскал. К тому времени глаза мои распухли от слез, а колени были испачканы в грязи. Вообще-то, после посещения кладбища я рассчитывал в тот же вечер сесть на автобус и укатить из города, однако теперь планы мои кардинальным образом изменились. Я решил задержаться в Починске еще на пару дней. Остановиться в гостинице или даже напроситься в гости к дяде. Нет, вариант с гостиницей все же был предпочтительнее – не стоило дяде видеть меня в таком состоянии.

Так я и поступил – снял комнатенку в клоповнике на окраине города, и начал каждый день наведываться на могилу Клары. Чувствовал, что вместе с ней словно умерла какая-то часть меня. Важная часть. Теперь я понимаю, что если бы в тот день просто сел в автобус и возвратился в свою квартирку, к старым пластинкам и хрипящему синтезатору, то мне удалось бы избежать всего этого гротескного кошмара – но я не уехал. Нет, не уехал.

Собственно, первым вестником грядущего ужаса оказался обычный сон. Или не совсем обычный, тут уж как посмотреть. Я никогда не придавал большого значения снам, но этот заставил меня пробудиться в холодном липком поту. После него я долго сидел на кровати, вытаращив глаза в темноту, и слушал, как надрывно тикают старые часы на стене. Попробую внятно пересказать вам его, хотя всякий знает, что пересказывать сны – задача заведомо неблагоприятная. Есть в них что-то такое, что невозможно облечь в слова.

Так вот, видение посетило меня в первую же ночь в гостинице – то был настоящий кошмар, пропитанный первозданным ужасом. Таким ужасом, какой испытываешь только в детстве, когда искренне веришь в страшные сказки про упырей, оборотней, и сморщенных ведьм, пожирающих младенцев на завтрак. Я совершенно точно могу сказать, чем был вызван этот кошмар – та женщина в черном, с которой я столкнулся на кладбище, все дело было в ее глазах. В них я увидел отражение бездны, неукротимую стихию и торжества злой воли... Это было все равно что смотреть с берега в глубокий омут, и видеть под собой лишь густую черноту, при этом понимая, насколько далеко от поверхности находится илистое дно – или даже сознавать, что никакого дна вообще не существует.

С этого сон и начался – с ее глаз. Они сияли во тьме, огромные и немигающие, как глаза змеи. Затем они растаяли, развеялись призрачным туманом, и тьму прорезало кровавое сияние. В некоторых местах сгустки тьмы росли, набухая и постепенно обретая четкость. Вскоре стало ясно, что я вижу перед собой поляну, окруженную тесным кольцом корявых деревьев. В центре пылал огромный костер, вокруг которого тут и там виднелись костерки поменьше. Тревожные удары бубна взлетали к ночному небу, затянутому тучами. Я видел под собой ведьминский шабаш во всей его богохульной красе. Обнаженные женские силуэты металась по поляне – это был танец, призванный имитировать предсмертную агонию, и я знал это наверняка, как мы знаем некоторые вещи во сне. Большинство женщин были молоды, их тела блестели, покрытые толстым слоем жирной мази. Но были тут и старухи, чья кожа больше напоминала кору засохшего дерева. Одна из таких сидела возле костра, размешивая сучковатой дубиной какое-то варево в дымящемся черном котле. Ее седые волосы походили на клочья свалявшегося сухого мха. Периодически к старухе подбегали ее юные соратницы, и с задорным смехом мочились прямо в котел. Варево бурлило, извергая клубы обжигающего пара. Потом я увидел, как старая ведьма извлекает из мешка маленькое бледное тельце новорожденного, и начинает потрошить его кривым ножом, отправляя внутренности в котел. Голова младенца

дергается, по сухим старушечьим рукам стекают тонкие струйки крови. Я хочу закричать, но во сне у меня нет рта. У меня вообще нет тела, я – дух, витающий над лесом, чей покой потревожили удары бубна и похотливые девичьи вопли.

Затем в центр поляны выводят черного козла. Ведьмы прекращают свою исступленную пляску, окружают животное. По очереди становятся на колени и жадно облизывают козлиный зад, задрав животному хвост. Слышится смех, стоны, бурлит адское варево в котле... Когда завершается обряд осквернения, одна из ведьм берет в руки топор и отрубает козлу голову. Алый фонтан крови взмывает в воздух, кровавые капли сбегая по гримасничающим лицам и грудям с набухшими сосками. Та, что держала в руках топор, отбрасывает орудие убийства в сторону, и воздевает голову козла над собой.

Черный силуэт козлиной головы контрастно выделяется на фоне языков пламени. Мертвые глаза животного вспыхивают демоническим огнем, пасть раскрывается, вываливая наружу распухший синий язык...

Как я уже говорил, после пробуждения проклятый сон еще долго не шел у меня из памяти. Осталось какое-то мерзкое послевкусие, ощущение сопричастности к чему-то невообразимо отвратительному – словно грязь, налипшая изнутри на стенки черепа. Я не мог сомкнуть глаз до самого утра, и лишь когда первые лучи солнца проникли в комнату сквозь занавешенное окно, удалось забыться сном еще на несколько часов.

На следующий день я вновь отправился на могилу Клары. Дневной свет сдернул с некрополя покров таинственности, разогнал густые зловещие тени. Блуждать на этот раз не пришлось, ноги сами несли меня вперед. Могила сестры за ночь никак не изменилась, и я положил еще один букет лилий рядом с первым.

Так продолжалось на протяжении пяти дней. Единственным событием, омрачившим мои каждодневные прогулки, послужила новая встреча с женщиной в черном. Это произошло в воскресенье, во время третьего посещения кладбища. На этот раз она меня не заметила. Я спрятался за старым замшелым склепом и следил, как она неспешно уходит прочь по гравийной дорожке между плотными рядами могил. Сердце мое превратилось в кусок льда, волны дрожи вольно гуляли по телу. Я боялся этой женщины, кем бы она ни была, боялся, сам не понимая, в чем кроется причина страха. Глядя на нее, я испытывал такие чувства, будто смотрю на огромного ядовитого паука. Я был счастлив, когда она исчезла вдали.

Пять дней пролетели незаметно, словно чувство времени меня покинуло. Был конец августа, стояли светлые солнечные деньки, хотя налетающие порывы ветра уже несли с собой непривычную прохладу. Осень в этом году обещала быть ранней. Я понимал, что веду себя неадекватно. Понимал, что Клара ушла навсегда, и я должен просто отпустить ее. Возможно, причина психологической зависимости от прогулок по кладбищу крылась в моей затяжной депрессии. Скорее всего, именно так все и было. Не важно. В чем бы ни заключалась причина, я продолжал, подобно лунатику, каждый день навещать на могилу в одно и то же время. Я ощущал приливы спокойствия и умиротворения, когда бродил среди осыпающихся склепов и кованых решеток, покрытых пушистым слоем мха. И Клара всегда была рядом... Предаваясь меланхолии, я мог часами стоять над ее могилой, пока ноги не наливались тупой болью. Несколько раз случались кратковременные срывы, и о таких моментах я почти ничего не помню – судя по грязи на лице и одежде, я падал на колени и целовал землю, под слоем которой наверняка уже начал гнить и разлагаться изувеченный труп моей сестры...

То утро ничем не отличалось от предыдущих. Была среда (я почти уверен в этом, хоть и не пытался считать дни). В этот раз, приближаясь к могиле Клары, я заметил бредущего впереди смотрителя кладбища. Одет он был так же, как и в прошлый раз, мягкое кепи было заливхvatски сдвинуто набок. Меня он не видел. Не знаю, что заставило меня укрыться за серым четырехугольным монолитом и понаблюдать за действиями этого парня. Возле могилы Клары он остановился и завертел головой по сторонам.

Уже тогда недобрые предчувствия скользнули по моему телу колючим холодком. Что-то явно было не в порядке... Убедившись в отсутствии свидетелей, зритель припал ничком к могиле и обратил ухо к земле, словно напряженно к чему-то прислушиваясь. Так продолжалось несколько бесконечно долгих минут. Я почувствовал, как мой разум вновь затягивает черный туман, и я встаю на пороге очередного срыва. Что все это значит? К чему он прислушивается? Неужели мою Клару похоронили заживо, неужели прямо сейчас она вопит и бьется в тесном пространстве заколоченного гроба? Прижавшись к холодной поверхности монолита, я впился в него пальцами и ощутил, как слезы струятся по щекам. Боже, какая чушь! Мою сестру надвое разрезал скорый поезд, и большая часть ее мозга так и осталась размазанной по рельсам и гравии. Ее никак не могли похоронить живой. Но к чему тогда этот человек прислушивается? Какие звуки долетают до него из недр земли? Какие?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.